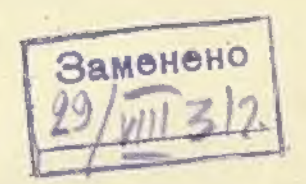
МИХАИЛЪ БИБЛІОМАНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ О ЖЕНЩИНѢ.

I.

ЖЕНЩИНА ПЕРВОБЫТНАЯ.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 17 сентября 1867 г.

Въ типографіи Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова). В. О., 8 л., № 25.

Тодержатель типографіи Николай Андреяновичъ Неклюдовъ жительство имѣетъ по Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, д. № 87-й.

ЖЕНЩИНА ПЕРВОБЫТНАЯ.

ЭТЮДЪ ПЕРВЫЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

Е. Женщина Американскихъ Индѣйцевъ.

ГЛАВА XII.

Стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

[illegible]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринимая настоящее изданіе, мы вовсе не полагаемъ, что рядомъ истрическихъ этюдовъ о женщинѣ мы дадимъ нашимъ читателямъ полное и точное понятіе о значеніи и положеніи женщины въ разныя времена и у разныхъ народовъ, иначе— что мы имъ представимъ нѣчто въ родѣ исторіи женщины.

Написать хорошую исторію женщины мы считаемъ трудомъ, который подъ силу развѣ очень немногимъ смертнымъ,— спеціалистамъ, посвящавшимъ себя серьезному философскому изученію исторіи. Французская литература напр. болѣе другихъ богата сочиненіями о женщинѣ; но эти сочиненія большею частью плохія компиляціи изъ древнихъ классиковъ и новѣйшихъ писателей, разведенныя водицей своего собственнаго авторскаго измышленія. Сочиненія эти или написаны безъ всякаго строго составленнаго плана, или не доведены до конца; они писаны зачастую съ заранѣе предвзятыми идеями, подъ вліяніемъ того или другаго политическаго или общественнаго направленія, такъ что въ нихъ проглядываетъ обыкновенно очень узенькое умозрѣньице ихъ авторовъ.

Такой пріемъ довольно подозрителенъ: вовсе не трудно подобрать отдѣльные частные факты и умышленно, ловко ихъ

сгруппировавъ, доказать совершенно ложное положеніе. Наоборотъ, намъ кажется, гораздо раціональнѣе и болѣе довѣрія заслуживаетъ тотъ трудъ, который представляетъ собою группировку по возможности всѣхъ фактовъ этого рода, такъ сказать наиболѣе полный и осмысленный сборникъ сыраго матеріала, который обработать и очистить будетъ тогда гораздо легче, а выведенныя и систематизированныя положенія будутъ гораздо правдивѣе. Къ сожалѣнію подобной полной и систематической исторіи женщины во французской литературѣ нѣтъ, хотя и существуютъ довольно добросовѣстно разработанные этюды о женщинѣ какого-нибудь отдѣльнаго періода и отдѣльнаго народа. Но какъ эти отдѣльныя сочиненія составлены по разнымъ планамъ, то и не могутъ, вмѣстѣ взятыя, представить собою общую, полную исторію женщины. Къ тому же и пробѣлы будутъ значительные.

Имѣя подъ руками не малое количество таковыхъ иностранныхъ, преимущественно французскихъ сочиненій о женщинѣ и принимая во вниманіе нищенское состояніе русской литературы по этому предмету, мы взяли на себя задачу составить толковый планъ, систематическую программу, такъ сказать конспектъ или эскизъ могущаго появиться въ будущемъ подобнаго историческаго труда, почему сочли необходимымъ тутъ же приложить, какъ матеріалъ «алфавитный списокъ» всѣхъ фразцузскихъ сочиненій, посвященныхъ женщинѣ, ея исторіи и ея настоящему положенію. Списокъ этотъ оказывается однако столь длиннымъ, что мы его будемъ печатать по частямъ, въ видѣ приложенія, почему постараемся не замедлить вторымъ этюдомъ о «женщинѣ древняго міра». Мы придаемъ особое значеніе этому «списку», въ томъ убѣжденіи, что для будущаго историка женщины, равно какъ и для всѣхъ интересующихся *женскимъ вопросомъ*, этотъ каталогъ будетъ болѣе чѣмъ полезенъ.

Считаемъ долгомъ однакоже оговориться: не имѣя всѣхъ помѣщенныхъ въ каталогѣ книгъ подъ руками, мы не могли, по одному только заглавію, выключить совершенно плохія сочиненія и поэтому помѣстили ихъ всѣ. Всякое же указаніе на пробѣлы мы заранѣе принимаемъ съ благодарностью.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ вступительной главы читатель увидитъ, какое мы важное значеніе придаемъ вопросу о правахъ и значеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, почему мы и не соглашаемся съ тѣми скептиками, которые относятся къ такъ-называемому «женскому вопросу» и къ «исторіи женщины» иронически, какъ къ предмету вовсе недостойному вниманія серьёзнаго человѣка.

С.-Пбургъ.
Сентябрь 1867 г.

ГЛАВА I.

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ).

Женскій вопросъ на очереди.—Историческій пріемъ, подтверждающій вѣрность этого положенія.—Другой пріемъ—взглядъ на современную жизнь и духъ времени.—Рьяные западные эмансипаторы отодвигаютъ вопросъ на задній планъ.—Изученіе прошедшаго женщины необходимо для яснаго пониманія ея настоящаго.

Насъ всегда не мало изумляло, когда люди не глупые и даже очень серьезные люди относились къ вопросу о положеніи женщины съ тою ироніею, которая ясно высказывала ихъ скептическій взглядъ на этотъ предметъ. «Женскій вопросъ» по ихъ мнѣнію принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые уже давно порѣшены и сданы въ архивъ. О немъ, будто-бы, говорено было уже такъ много, что новаго рѣшительно нечего сказать; приходится лишь повторять зады и переливать, такимъ образомъ, изъ пустого въ порожнее; что наконецъ занятіе этимъ вопросомъ для порядочнаго человѣка весьма наивно и даже не совсѣмъ добросовѣстно, такъ какъ есть вопросы, есть занятія болѣе достойныя вниманія всякаго серьезнаго и дѣльнаго человѣка.

Съ перваго взгляда эти доводы имѣютъ кажущуюся

основательность и послушать этихъ краснобаевъ человѣку съ шаткими убѣжденіями достаточно, чтобъ получить къ ихъ словамъ слѣпую вѣру, а слѣдовательно и вѣру въ несостоятельность вопроса о положеніи женщины. Взглянувъ однакоже глубже на предметъ можно убѣдиться, что именно женскій вопросъ и есть вопросъ первѣйшей важности, чтобъ не сказать—самый важный въ настоящее время; вопросъ, безспорно современный и стоящій на очереди, на первомъ планѣ. Чтобъ наши слова не показались кому-нибудь парадоксальными, постараемся подтвердить ихъ болѣе серьезными аргументами. Для этого обратимся сперва къ помощи исторіи, а потомъ поищемъ подтвержденія нашихъ словъ въ самой жизни современной и въ духѣ нашего времени.

Исторія, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, оказываетъ намъ огромную углугу. Дѣйствительно: если мы внимательно прослѣдимъ исторію человѣчества, если вникнемъ во всѣ общечеловѣческія стремленія, симпатіи и домогательства, то мы легко замѣтимъ, что во всѣхъ этихъ частныхъ, временныхъ, преходящихъ интересахъ и цѣляхъ есть нѣчто общее, вѣчное, не преходящее, служащее основаніемъ каждаго интереса, каждой цѣли. Это общее вѣчное нѣчто есть ни что иное какъ стремленіе человѣка подчинить себѣ природу и извлечь изъ ея даровъ наибольшее количество блага и наименьшее количество зла Стремленіе это проглядываетъ во всемъ и всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; оно есть общее, прирожденное свойство человѣка. Проявляется же или выражается оно различно, смотря по времени, мѣсту, по даннымъ, которыя разработало и оставило въ наслѣдство предыдущее поко-

лѣніе и по тѣмъ другимъ даннымъ, которыя предлагаетъ въ извѣстный моментъ жизнь человѣческая, т. е. совокупность обстоятельствъ. Въ этой непрерывной, разнообразно выражаемой дѣятельности человѣка мы замѣчаемъ ту особенность, что ему рѣдко удается пользоваться плодами своей работы; обыкновенно слѣдующія поколѣнія вкушаютъ ихъ, берутъ эту дань какъ нѣчто должное имъ по принадлежности, какъ нѣчто такое, безъ чего и существованіе ихъ немыслимо. Новыя же поколѣнія предаются занятіямъ и вопросамъ новымъ, очереднымъ, поглощающимъ все ихъ вниманіе и всю ихъ дѣятельность; а результатами ихъ воспользуются опять-таки не они, а послѣдующія за ними поколѣнія и т. д. изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Безъ этой неразрывной связи одного поколѣнія съ другимъ, безъ этой исторической послѣдовательности, съ которою вопросы предыдущаго поколѣнія вырабатываются для послѣдующихъ, безъ этой духовной цѣли не мыслима органическая жизнь человѣчества.

Стало-быть совершенно напрасно думаютъ иные, что можно совершенно оторваться отъ прошедшаго, забыть преданія, насъ тѣсно съ нимъ связывающія, отбросить вопросы очередные, слѣдующіе за вопросами уже разрѣшенными и создать собственною своею фантазіею вопросы для разрѣшенія, форму для жизни, содержаніе для формы. Подобные утописты, въ бреду своихъ метафизическихъ размышленій и не замѣчаютъ, какъ они падаютъ въ ровъ. Жизнь разработывается постепенно, исторически; одни вопросы жизненные смѣняются другими и такимъ образомъ каждое поколѣніе наслѣдуетъ очередные, животрепещущіе вопросы, разрѣшать которые его задача, его долгъ. Но наши страсти, наши

пристрастія и заблужденія могутъ насъ временно удалить отъ этихъ очередныхъ вопросовъ, могутъ насъ свести съ прямого пути, по которому удобнѣе слѣдовать и направить насъ по извилистой тропинкѣ, по которой къ цѣли гораздо дальше; могутъ также заставить насъ подойти къ вопросамъ не съ той стороны, съ которой слѣдуетъ. Тщательное изученіе исторіи человѣчества укажетъ эти вопросы не хуже, чѣмъ и самая жизнь наша, если она шла нормально. Зная вопросы, интересовавшіе человѣчество въ извѣстное, данное время, совершенно логически можно вывести, какіе вопросы должны интересовать его въ слѣдующій моментъ его развитія. Зная, напр., какіе вопросы интересовали XVIII вѣкъ, можно логически вѣрно сказать, какіе должны интересовать вѣкъ XIX.

Такъ, всѣмъ извѣстно, что одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ существенныхъ вопросовъ, занимавшихъ умы въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ вопросъ о правахъ человѣка. Этотъ общій вопросъ вмѣщаетъ въ себѣ цѣлую бездну другихъ, болѣе частныхъ вопросовъ, какъ напр. равноправность передъ закономъ, уничтоженіе сословныхъ привиллегій, право труда и т. д. Но спрашиваемъ теперь: мыслители прошлаго столѣтія брали ли въ разсчетъ женщину, когда мечтали о правахъ человѣка?—Нѣтъ; доказательствомъ тому служатъ мнѣнія и отзывы о ней всѣхъ тогдашнихъ авторитетовъ, начиная съ Монтескьё, Ж. Ж. Руссо и кончая Дантономъ, Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ. Такъ Монтескьё говоритъ [1]: «природа отличила человѣка

---

[1]) См. Legouvé. La femme en France au XIX siècle.

силою и умомъ, что и составляетъ его богатство; женщину же она надѣлила разнаго рода пріятностями— единственнымъ орудіемъ, которымъ она можетъ влiять».

Руссо выражается еще категоричнѣе: «Женщина создана спеціально для того, чтобы нравиться мужчинѣ. Долженъ ли мужчина ей нравиться — это вопросъ меньшей важности; онъ нравится ей уже и потому, что онъ сильнѣе».

Когда, во время французской революціи, Кондорсе и Сіесъ заикнулись подать голосъ въ пользу правъ женщины, то Робеспьеръ, этотъ ревнитель равенства, зажалъ имъ ротъ и покончилъ съ этимъ вопросомъ.

Во время же террора была опять попытка поднять вопросъ о предоставленіи женщинѣ права занимать нѣкоторыя общественныя должности, и знаменательно то обстоятельство, что женщина сама заявила о своемъ правѣ. Но и террористы отвергли съ негодованіемъ этотъ вопросъ. Слѣдовательно и выходитъ, что женщину въ XVIII вѣкѣ не считали вполнѣ за человѣка, а хлопотали о правахъ только одной половины человѣческаго рода. Такое несправедливое исключеніе женщины изъ общей категоріи не мало вліяло на безуспѣшное разрѣшеніе вопроса.

Теперь мы спрашиваемъ всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ женскій вопросъ вопросомъ не серьезнымъ: считаютъ ли они женщину за человѣка, или нѣтъ? Если они рѣшатся отвѣчать отрицательно, то мы тогда совершенно ясно поймемъ причину такого антагонизма къ женскому вопросу; если же они не станутъ отрицать въ женщинѣ человѣка—въ чемъ мы вовсе не сомнѣваемся, — то почему же они считаютъ женскій вопросъ, вмѣщающій въ себѣ вопросы въ родѣ равно-

правности женщины и мужчины передъ закономъ, уничтоженія женскихъ мелкихъ привиллегій и право на самостоятельный и независимый трудъ, право на свободное воспитаніе и развитіе всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ женщины и т. д.;—почему же, повторяемъ мы, они считаютъ женскій вопросъ не серьезнымъ? Почему вопросъ о правахъ цѣлой половины рода человѣческаго считаютъ они недостойнымъ вниманія?

Мы же изъ всего вышесказаннаго выводимъ то заключеніе, что женскій вопросъ именно потому и стоитъ на очереди, что женщины не коснулись идеи, шевелившія умы мыслителей прошедшаго столѣтія. Она была выключена изъ разсчета какъ не человѣкъ; дадимъ же ей мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву и пусть будетъ девизомъ XIX вѣка «женщина—человѣкъ!»

Къ этому заключенію мы пришли путемъ историческимъ. Если же теперь обратимся къ современной намъ жизни, къ духу времени XIX вѣка, то убѣдимся, что нашъ историческій методъ подтвердится вполнѣ.

Дѣйствительно: изучивъ внимательно настроеніе нынѣшнихъ умовъ, современное движеніе, замѣчаемое всюду; понявъ стремленія, симпатіи и желанія, характеризующія нашъ XIX вѣкъ, мы не можемъ не замѣтить, что главная забота современнаго человѣка—создать себѣ лучшій бытъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Онъ не доволенъ отношеніями своими къ другимъ людямъ; онъ хочетъ поставить себя въ независимое отъ другихъ положеніе; прежнія общественныя и семейныя рамки ему не нравятся, онѣ ему въ тягость; онъ ищетъ не то другихъ, новыхъ, не то преобразованныхъ, старыхъ. Слѣдствіемъ этого недовольнаго,

напряженнаго, не нормальнаго состоянія духа человѣческаго были попытки пересоздать весь общественный строй на основаніяхъ, которыя предлагали разныя отвлеченныя теоріи. Но всѣ эти теоріи не могли удовлетворить недовольнаго современнаго человѣка. Онъ чувствовалъ, что онѣ не подходящи или потому, что онѣ несвоевременны, или потому, что онѣ нелогичны и непрактичны, вслѣдствіе чего онѣ и не привились къ почвѣ, а остались одними теоріями. Но во всякомъ случаѣ самое ихъ появленіе служитъ доказательствомъ, что состояніе вызвавшаго ихъ духа человѣческаго ненормально, напряженно.

Гдѣ же искать исцѣленія? Въ чемъ же самый корень зла?

Чтобъ уяснить себѣ правильно какой-нибудь вопросъ, не надо забывать, что всякое дѣло требуетъ чтобъ начинали его съ начала. А потому и въ вопросѣ о недугахъ общественныхъ нужно обратиться сперва къ первообразу всякаго общественнаго строя Всѣмъ извѣстно, что первая общественная форма, въ которой человѣкъ жилъ еще въ доисторическія времена, была семья. Это вѣковое, первобытное учрежденіе, это общество въ миніатюрѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникъ и пріуготовитель новыхъ членовъ общества, новыхъ гражданъ. Чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе къ потребностямъ вѣка семейный бытъ человѣка, тѣмъ благотворнѣе его вліяніе на бытъ общественный, тѣмъ яснѣй и лучше отражается онъ въ обществѣ и наоборотъ. А потому первымъ дѣломъ при такомъ напряженномъ и недовольномъ состояніи общества слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ первообразъ всякаго общественнаго устройства, на семью, и посмотрѣть удовле-

творяетъ ли она современнымъ требованіямъ человѣка и науки? Можетъ ли она подготовлять честныхъ, развитыхъ и способныхъ дѣятелей? Нѣтъ ли въ воспитаніи, въ нравахъ или обычаяхъ чего-либо такого, что дѣлаетъ отношенія между членами семьи тягостными, ненормальными? Всегда ли человѣку чувствуется хорошо, уютно и тепло среди своей семьи, или же его зачастую тянетъ вонъ изъ нея, подальше?

Если зададимся подобнымъ вопросомъ, то отвѣчать въ настоящее время придется — увы — отрицательно! Отношенія между мужемъ и женой большею частью неестественны: или мужъ—всесильный владыка, а жена угнетена; или мужъ—хомякъ, а капризная и своенравная жена обращаетъ домашній очагъ въ адъ кромѣшный; гармонія въ семействѣ — чрезвычайная рѣдкость. Воспитаніе обоихъ неодинаково: жена обыкновенно стоитъ на низшей ступени образованія, естественнымъ слѣдствіемъ чего является неравноправность между ними и полнѣйшая дисгармонія, ибо мужу съ простушкой женой, а женѣ съ вѣчно серьезнымъ мужемъ—скука смертельная; въ этомъ случаѣ общихъ интересовъ у обоихъ очень мало. Если же противъ чаянія жена образованнѣе мужа, то его роль чрезвычайно смѣшна, болѣе того—она плачевна! Мужъ пріобрѣтаетъ средства къ жизни, жена—нѣтъ; предполагается, что достаточно, если она умѣетъ лишь сохранять пріобрѣтенное мужемъ; если рано мужа не стало, то вся семья зачастую остается безъ куска хлѣба благодаря тому обстоятельству, что жену учили лишь сохранять, а не пріобрѣтать. Та же самая несамостоятельность и превратное воспитаніе ставятъ въ безвыходное положеніе дѣвушку, если она рано потеряетъ родителей. Такая возмутитель-

ная дѣвичья перспектива причиною тому грустному и для семьи въ высшей степени неблагопріятному обстоятельству, что всѣ ея помыслы, старанія и ухищренія направлены лишь къ тому, чтобъ обезпечить себя мужемъ пріобрѣтателемъ, а еще лучше мужемъ капиталистомъ—благо въ этомъ случаѣ и она и дѣти не умрутъ съ голоду даже и тогда, когда мужъ преждевременно умретъ.

Спрашиваемъ теперь: можно ли при такой обстановкѣ ожидать счастья, довольства и гармоніи въ семействѣ? Можно ли надѣяться, что въ нѣдрахъ такой семьи дѣти получатъ хорошее, здоровое воспитаніе, что такая семья дастъ государству честныхъ и полезныхъ дѣятелей? Увы, нынѣшнее воспитаніе, получаемое женщиною, большею частью неудовлетворительно; научное образованіе ея слишкомъ поверхностно; ее рѣдко пріучаютъ къ самостоятельному труду. Всю жизнь свою она проводитъ подъ опекою: сперва родителей, потомъ супруга; о самодѣятельности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Внѣ семейнаго очага у нея нѣтъ общихъ интересовъ съ мужемъ. Въ большой части случаевъ занятія мужа для нея китайская грамота, а между тѣмъ что болѣе связываетъ людей между собою, какъ не общіе интересы?

Женскій вопросъ, обнимающій всѣ эти вопросы, такъ самъ и выплылъ наружу, когда мы вглядѣлись поглубже въ общественныя язвы. Что жъ, и теперь, когда и исторія и самая жизнь современная подтвердили то высокое значеніе, которое мы придаемъ вопросу о женщинѣ, и теперь, говоримъ мы, антагонисты женскаго вопроса не согласятся съ нами, что вопросъ этотъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо на очереди?

Леспинасъ говоритъ: «Нынѣшній семейный бытъ, нынѣшнее положеніе женщины и отношеніе ея къ семьѣ и къ обществу—вопіющая несправедливость. Не подвергается ли женщина рабству и ея эмансипація не должна ли быть дѣломъ нашего вѣка? [1]) «L'affranchissement intellectuel et moral de la femme doit être le grand oeuvre du XIX siécle», говоритъ Тузери въ своемъ сочиненіи [2]).

Итакъ женскій вопросъ самъ собою выдвигается на первый планъ и требуетъ рѣшенія. Но вопросъ этотъ задѣваетъ бездну другихъ общественныхъ и законодательныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ между собою; вотъ въ этомъ-то и состоитъ главная причина, почему рѣшеніе этого вопроса такъ затруднительно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ занимательно для всѣхъ и каждаго.

Нельзя здѣсь пройдти молчаніемъ и то обстоятельство, что черезъ-чуръ энергическая ревность многихъ западныхъ эмансипаторовъ не мало повредила дѣлу. Она навела такую панику на многихъ мирныхъ гражданъ и ихъ супругъ, которыхъ новизна и законность вопроса сперва нѣкоторое время увлекали, что они съ ужасомъ отшатнулись назадъ и слушать болѣе не хотѣли объ этихъ безправственныхъ бредняхъ, посягавшихъ на ихъ первобытное семейное счастіе, на ихъ обряды и привычки, имъ столь дорогія уже и потому, что они ихъ наслѣдовали отъ праотцевъ своихъ. Дѣло въ томъ, что женская эмансипація есть столь юное и нѣжное растеніе, что съ нимъ надо обращаться осторожно, деликатно; а то нѣкоторые эмансипаторы хотѣли разомъ

---

[1]) Lespinasse (M). La Femme dans la Famille et dans la Société. Paris, 1866, 1 v. in 8.

[2]) Thouzery (Paul). La Femme au XIX siècle: ce qu'elle est, ce qu'elle doit être. Paris, 1866, 1 v. in 12.

перевернуть вверхъ дномъ весь домашній и общественный строй жизни и сдѣлать изъ женщинъ безчувственныхъ, но умныхъ педантовъ, bas-bleu въ юбкахъ или даже безъ юбокъ, лишивъ ихъ той женственности, которая отъ природы имъ присуща. Крайность, какъ и всегда, мѣшаетъ только дѣлу и отодвигаетъ его на задній планъ. Дать женщинѣ способъ и средства свободно развить ея умственныя, нравственныя и физическія силы, дать право на независимый и самостоятельный трудъ и на такое же положеніе въ обществѣ—не значитъ еще сдѣлать ее мужчиной и лишить ее всѣхъ ей особо присущихъ качествъ, а развѣ показываетъ желаніе сдѣлать ее человѣкомъ разумно свободнымъ, а не рабой, не самкой или куклой, съ которой мужчина могъ бы забавляться въ часы досуга.

Слѣдовательно нечего пугаться того обстоятельства, что цѣлая половина рода человѣческаго желаетъ войти въ свои права и въ дѣйствительности сдѣлаться столь же разумно-свободнымъ человѣкомъ, какъ и мужчина.

Итакъ предметомъ нашего изслѣдованія является семья, а въ ней женщина. Изучать положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ можно различнымъ методомъ, смотря по тому, какою наукою мы будемъ руководствоваться при изслѣдованіи вопроса и съ какой точки зрѣнія будемъ на него смотрѣть. Женскій вопросъ можно разсматривать въ историческомъ, статистическомъ и политико-экономическомъ, физіологическомъ и патологическомъ, юридическомъ, нравственномъ, общественномъ и философскомъ отношеніяхъ.

Будучи убѣждены, что для яснаго пониманія настоящаго положенія женщины необходимо узнать ея прошедшее, необходимо узнать, въ какія времена и у

какихъ народовъ положеніе женщины видоизмѣнялось въ ея пользу или во вредъ ей и вслѣдствіе какихъ именно побудительныхъ причинъ, мы посвящаемъ настоящій нашъ трудъ историческому изслѣдованію о женщинѣ.

Въ приложеніи къ этому этюду читатели найдутъ 1-ю часть алфавитнаго списка французскимъ сочиненіямъ, могущимъ служить матеріаломъ для будущаго историка женщины. Многими изъ этихъ сочиненій мы руководствовались при составленіи нашихъ этюдовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ ссылаться на нихъ. Кромѣ того мы считаемъ также своимъ долгомъ указать и на тѣ сочиненія, которыя не вошли въ упомянутый списокъ, какъ непосредственно не касающіяся «женскаго вопроса», но не менѣе того оказавшія намъ чрезвычайную услугу. Вотъ они:

Anderson (Charles). Reisen in Sued-west Afrika bis zum See Nyami. in den Jharen 1850—1854. Leip. 1857. 2 B. in 18°.

Дарвинъ (Чарльзъ). Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. съ англ. Бекетова, СПб. 1864. 2 т.

Dumont d'Urville. Voyage autour du monde. Paris, 1842. 2 vol. grand in 8. (Это сочиненіе составлено какъ по собственнымъ запискамъ Дюмонъ Дюрвиля, написаннымъ во время путешествія его на кораблѣ «Астролябія», такъ и по описаніямъ путешествій другихъ извѣстныхъ мореходцевъ: Магеллана, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Крузенштерна, Головина, Коцебу, Беллингсгаузена, Галля, Лапласа и мн. др.). Въ Русскомъ переводѣ 4 т.

Dufour. Histoire de la prostitution chez tous les peuple du monde. Paris, 1851. 6 v. in 8.

Fustel de Coulanges. La Cité Antique. Etude sur le Culte, le Droit, les Institutions de la Grèce et de Rome. Paris, 1866. 1 v. in 8°. (Русскій переводъ г. Ламанскаго).

Грановскаго соч. 2-й т. Москва, 1856. въ 8 д. л.

Кэна Путешествія и открытія 2-й Гринельской экспедиціи въ сѣверныя полярныя страны для отысканія Франклина въ 1853—1855 гг. (Собств. записки Д-ра Кэна). Перев. съ нѣм. Тихменева. СПб. 1861 г. 1 т. въ 8 д. л.

Levaillant. (Fr.). Voyage dans l'interieur de l'Afrique en 1781. Paris, 1790.

Ливингстонъ. Путешествія доктора Ливингстона по внутренней Африкѣ. СПб. 1861 г. изд. М. О. Вольфа. Пер. съ нѣм. 1 т. въ 8 д. л. Также вышедшее недавно сочин. Новыя путешествія въ южную Африку по рѣкѣ Замбезе (1858—1864) Дав. и Карла Ливингстона. Перев. подъ ред. Страхова. СПб. 2 т. въ 8 д. л.

Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ. СПб. 1859 г. изд. Кожанчикова. 2 т. въ 8 д. л.

Prescott (W. H.). Histoire de la conquête du Perou. Paris, 1861. 1 v. in 8°.

Renouvier (Ch.). Introduction à la philosophie analytique de l'histoire. Paris, 1864, 1 gr. v. in 8.

Virey (J. J.). Histoire naturelle dn genre humain. Paris, 1824.

Вышеславцевъ. Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія въ 1857—1860 г. СПб. 1862 г. 1 т. въ 8 д. л.

Waitz (Dr. Th.). Antropologie der Naturvölker. Leipzig. 1859—1864. 4 B. in 8. Его же: Die Indianer Nordamerika's. Eine studie von Theod. Waitz. Leipzig, 1865. in 8.

Въ выноскахъ мы будемъ отмѣчать заглавія всѣхъ тѣхъ сочиненій упоминаемыхъ авторовъ, которыя по специальности своей подходящи.

ЖЕНЩИНА ПЕРВОБЫТНАЯ.

ГЛАВА II.

La femme n'existe que dans les pays civilisés; et la meilleure manière de juger de la grandeur d'un peuple, c'est de s'enquérir comment il traite les femmes.

Alphonse Esquiros (Les Vierges Sages).

Общественное и семейное положеніе женщины въ какой бы то ни было странѣ тѣсно связано съ нравами, обычаями, преданіями и образомъ жизни этой страны; мало того, оно есть непосредственное слѣдствіе этихъ сторонъ жизни человѣческой, такъ что изслѣдуя первое, необходимо изучить всѣ эти особенности жизни народа. Съ другой стороны образъ жизни, нравы и обычаи находятся въ прямой зависимости отъ религіозныхъ вѣрованій народа. И потому, для болѣе яснаго, систематическаго выполненія принятой нами на себя задачи, мы сочли необходимымъ прослѣдить исторически различныя вѣрованія древнихъ народовъ, а вмѣстѣ съ ними и положеніе женщины въ семейномъ и общественномъ быту. Этотъ пріемъ тѣмъ болѣе удобенъ, что онъ яс-

но покажетъ, что чѣмъ совершеннѣе и разумнѣе религіозныя понятія народа, тѣмъ вся жизнь его полнѣе, а слѣдовательно и положеніе женщины болѣе удовлетворительно и болѣе согласно съ ея природою, съ ея призваніемъ.

Когда мы изучаемъ религіозныя вѣрованія и жизнь какого-нибудь историческаго народа, то мы обращаемся къ его памятникамъ, изустнымъ преданіямъ и письменамъ; слѣдовательно мы основываемъ свои свѣдѣнія на положительныхъ данныхъ. Совсѣмъ другое предстоитъ намъ, когда мы хотимъ заглянуть въ далекое прошедшее, въ эпоху первобытную, доисторическую. Тутъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, мы встрѣчаемъ большія затрудненія, потому что однѣ предположенія и догадки, хотя бы основанныя на сравненіи и уподобленіи, на обобщеніи извѣстныхъ намъ идей и фактовъ, на аналитическомъ восхожденіи къ ближайшимъ и даже первичнымъ причинамъ, однимъ словомъ основанныя на индуктивномъ методѣ, остаются все-таки одними догадками и предположеніями, не могутъ еще считаться положительно вѣрными выводами, а лишь логически правдоподобными. Но такому умозрительному изслѣдованію являются въ помощь новѣйшія открытія естественныхъ наукъ, археологіи, сравнительной филологіи и этнографіи. Особенно изученіе жизни нынѣ существующихъ племенъ, которыя вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ остались въ своемъ первобытномъ состояніи, какъ напр. нѣкоторыя племена, населяющія западную, южную и центральную Африку, сѣверную и южную Америку и океанійскіе острова, не мало бросаетъ свѣта на эти отдаленныя времена.

Но и нынѣшнее состояніе науки не можетъ дать

положительно вѣрныхъ свѣдѣній для точнаго опредѣленія, каковы были первыя религіозныя вѣрованія первобытнаго человѣка; только приблизительно вѣрно будетъ то общепринятое мнѣніе, что фетишизмъ въ самомъ грубомъ своемъ видѣ проявился впервые. Дѣйствительно. Когда человѣкъ въ своемъ инстинктивномъ, животномъ состояніи, съ свободою, данной ему природой и съ способностью разсуждать увидѣлъ впервые свѣтъ, то, по мнѣнію Канта, переходъ его изъ жизни инстинктивной въ жизнь разумную долженъ былъ произойти путемъ умозрѣнія и опыта въ слѣдующемъ порядкѣ: первое, что подверглось его анализу, былъ выборъ пищи; опытъ, полученный отъ ея употребленія, убѣдилъ его въ ея вредныхъ и полезныхъ качествахъ. Это было первое знаніе человѣка. Такой постоянно продолжавшійся опытъ соединенный съ боязнью, свойственной экспериментатору, которая являлась слѣдствіемъ его невѣжества и угрожавшей опасности—не могъ не имѣть вліянія на его нравственное развитіе. Онъ открылъ ему прежде всего его способность свободно располагать своимъ выборомъ, слѣдовательно его свободу и указалъ на тѣ злополучія, которыя неизбѣжны при неразумномъ ея примѣненіи. Затѣмъ мало по малу облагородилось половое влеченіе, вслѣдствіе свободныхъ, взаимныхъ отношеній между полами. Вмѣстѣ съ проявленіемъ чувства любви явилось эстетическое понятіе о красотѣ, чувство стыда и потребность одежды. Далѣе забота о далекомъ будущемъ заняла его незрѣлый умъ; неизвѣстность предопредѣленія и безвыходность его философствованія ввергла его въ безпокойство. Наконецъ смерть—общая участь всѣхъ животныхъ—показалась ему чѣмъ-то страшнымъ, чѣмъ-то ужасающимъ, а сознаніе ея неизбѣжности оказалось гибельнымъ даромъ его разсудка.

Къ этому процессу первѣйшаго развитія человѣка Кантъ присоединяетъ и сознаніе превосходства человѣка надъ другими тварями, слѣдствіемъ котораго явилась увѣренность, что ихъ назначеніе—служить лишь средствомъ для его жизни. Это сознаніе своего превосходства было источникомъ первыхъ понятій о его достоинствахъ, заключающихся въ томъ, что онъ предполагалъ быть цѣлію себѣ самому, а не средствомъ для кого-либо другаго. Отсюда мысль о равенствѣ подобныхъ ему высшихъ существъ между собою, а также и чувство справедливости къ равнымъ себѣ существамъ. «Такимъ путемъ, говоритъ Кантъ, человѣкъ выходилъ изъ утробы матери природы. Онъ выходилъ изъ своего невиннаго и скромнаго младенчества, какъ изъ сада, который, не требуя трудовъ, кормилъ его, и былъ вверженъ въ этотъ міръ, гдѣ столько невѣдомыхъ ему заботъ, печалей и бѣдствій его ожидали» [1]).

Итакъ по Кантовой теоріи выходитъ, что всѣ перечисленныя мысли и чувства были первыми руководителями человѣка. Сознаніе добра и зла было слѣдствіемъ свободнаго отправленія познавательныхъ способностей человѣка и свободы его дѣйствій. Совѣсть явилась первымъ контролемъ. Происхожденіе религіозныхъ идей получило въ ней свое основаніе. Чувство справедливости, о которомъ мы упомянули выше, истекало изъ любви къ ближнему, т. е. равному себѣ существу, и изъ убѣжденія полезности добра и правоты. Оно служило основаніемъ понятія о нравственномъ долгѣ и о взаимныхъ обязанностяхъ и правахъ человѣка.

---

[1]) Кантъ. Гадательное начало исторіи человѣка. (См. Renouvier. Introd. à la philos. anal. de l'histoire. Première partie.

Такимъ образомъ отношенія его къ людямъ и нравственныя его чувства естественно развивались и опредѣлялись жизнію и сообществомъ ему подобныхъ. Оттого первобытный человѣкъ, не удивляясь себѣ самому, не находилъ вовсе странными и отношенія свои къ другимъ людямъ, существамъ такимъ же какъ и онъ самъ; отношенія эти казались ему простыми и ясными. Но что̀ его положительно смущало, что̀ на него сильно подѣйствовало, такъ это таинственность силъ природы, съ которыми онъ вовсе не былъ знакомъ и которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить. А потому и отношенія его къ остальной природѣ должны были опредѣлиться особымъ образомъ. Не будучи въ состояніи постичь эти отношенія умомъ — всѣ свои страсти инстинктивно пустилъ онъ въ ходъ для опредѣленія ихъ: любовь, ненависть, надежду, страхъ и прочія человѣческія страсти и чувства. Не понимая сущности матеріи и законовъ, по которымъ все движется и видоизмѣняется, онъ конечно объяснялъ это себѣ по-своему, т. е. сравнивая съ тѣмъ, что ему знакомо. Знакомо же ему было, и то въ половину, одно лишь его собственное *я*, а потому онъ и объяснялъ себѣ все сравнивая съ самимъ собою. Слѣдствіемъ чего было то, что во всей природѣ онъ предполагалъ ту же жизнь, какою жилъ самъ, тѣ же страсти, тотъ же разумъ, ту же свободу дѣйствій. Въ феноменахъ природы онъ видѣлъ явленія происходящія подъ вліяніемъ тѣхъ же страстей; слѣдовательно видѣлъ цѣлый рядъ дѣйствій то ему враждебныхъ и вредоносныхъ, то доброжелательныхъ и полезныхъ; предполагалъ въ нихъ чьи то хорошія и дурныя намѣренія относительно себя самого. Не зная, насколько къ нему доброжелательны были намѣренія этихъ

таинственныхъ дѣятелей, онъ всякій разъ пугался и приходилъ въ ужасъ при ихъ проявленіи; слѣдственно, отношенія, къ природѣ принимаютъ видъ зависимый, подчиненный и страстный со стороны человѣка. Въ этихъ дѣятеляхъ природы онъ видѣлъ свободную волю, причину своихъ бѣдствій и радостей, словомъ—господство надъ собою. Подчиненіе его этому господству не могло не принять характеръ благоговѣнія и обожанія, словомъ перваго религіознаго чувства. Отсюда—начало фетишизма.

Какъ только человѣкъ восчувствовалъ такое благоговѣніе къ этимъ таинственнымъ дѣятелямъ природы, его отношенія къ нимъ стали опредѣляться: чтобы заручиться благосклонностію тѣхъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ вліяніе на его судьбу, онъ дѣлаетъ приношенія, приноситъ имъ въ даръ все то, что ему дороже (жертвоприношенія); желая чего-нибудь, онъ обращается къ нимъ съ просьбою (молитвы); чувствуетъ ли онъ угрызенія совѣсти за свое поведеніе, онъ проситъ прощенія и обѣщаетъ исправиться; не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ какой-нибудь слабости или порока, онъ самъ подвергаетъ себя наказанію или же обрекаетъ себя на какое-нибудь прямое для него лишеніе. Вотъ первые элементы *языческой* религіи.

Но обстоятельства жизни, вліяніе природы, различіе въ степени умственнаго и нравственнаго развитія человѣка—все это имѣло особое вліяніе и на различіе обожаемыхъ первобытнымъ человѣковъ предметовъ и на способъ выраженія его религіозныхъ чувствъ. Такъ, при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и при низшей степени своего развитія, человѣкъ не уносился далеко въ даль; онъ находилъ себѣ божество, своего фе-

тиша въ первомъ попавшемся ему на пути предметѣ, поразившемъ его воображеніе какой-нибудь стороной или какимъ-нибудь своимъ качествомъ, и потому приписывалъ ему могущество. Было ли это дерево, была ли рѣка или что другое—все равно оно дѣлалось предметомъ его страха и обожанія. Фетишизмъ въ самомъ грубомъ и разнообразномъ своемъ проявленіи былъ религіознымъ вѣрованіемъ самыхъ неразвитыхъ племенъ. Болѣе развитые индивидуумы обращали свои взоры къ небу и въ невѣдомой имъ дали находили себѣ божество, поражаясь какимъ-нибудь великимъ явленіемъ природы, красотой или блескомъ свѣтилъ небесныхъ, или же таинственностію какого-нибудь стихійнаго элемента, напр. огня. Тогда, собственно говоря, фетишизмъ переходилъ въ сабеизмъ. Другіе стали олицетворять извѣстные феномены природы или представлять божественное въ совершеннѣйшей формѣ человѣческой (миѳы, символизмъ, антропоморфизмъ) и т. д. Словомъ всякая фантазія создавала себѣ своего бога. Одни и тѣ же боги дѣлались иногда предметомъ обожанія цѣлой группы людей, цѣлаго племени. Тогда являлись жрецы, прорицатели будущаго, къ которымъ обращались всѣ за совѣтами. Понятно, что жрецы эти зачастую во зло употребляли общимъ къ нимъ довѣріемъ и вселяли суевѣріе, находящее соотношеніе между явленіями совершенно чуждыми одно другому и не имѣвшими ничего общаго между собою. Суевѣріе легко привилось къ фетишизму и пустило глубокіе корни. Жрецы и вѣщуны пользовались имъ, продавали напр. спасительные амулеты или талисманы на разные случаи и т. п.

Между послѣдователями фетишизма нерѣдко встрѣчаются вѣрующіе въ безсмертіе души; но эти понятія о

будущей жизни у нихъ очень темны. Они вѣрятъ, что души умершихъ могутъ вліять на души живыхъ, могутъ мстить имъ, и потому, чтобы заручиться ихъ благорасположеніемъ, приносятъ имъ жертвы. До понятія о вознагражденіи и наказаніи въ загробной жизни они не доходятъ и въ этомъ отношеніи совершенно разнятся отъ древнихъ Арійскихъ племенъ, у которыхъ спокойствіе душъ умершихъ (манъ, ларъ и пенатъ) въ загробной жизни зависитъ отъ того рвенія, съ которымъ потомки умершаго отправляютъ извѣстное богослуженіе на его могилѣ, какъ это мы увидимъ ниже, когда будемъ говорить объ Арійскихъ племенахъ и ихъ вѣрованіяхъ.

Жертвоприношенія фетишистовъ считались тѣмъ угоднѣе богамъ, чѣмъ приносимая жертва была дороже для приносителя. Рвеніе вѣрующихъ доходило до того, что нѣкоторыя фетишистскія племена приносили въ жертву дѣтей, женъ и рабынь—замѣтьте всегда болѣе слабыхъ существъ, не могущихъ защищаться, такъ какъ уваженіе къ силѣ лежало въ основаніи самой религіи.

Нравственное состояніе фетишистскихъ племенъ стояло на самой низкой степени, хотя и разнилось между собою смотря по тому, къ чему привела ихъ первоначальная свобода дѣйствій подъ вліяніемъ климатическихъ и разныхъ другихъ условій и обстоятельствъ. Такъ существовали и существуютъ еще въ первобытномъ состояніи племена съ очень тихими и кроткими нравами. Но эта доброта отрицательная; доброта вслѣдствіе врожденной лѣни, неподвижности физической и умственной и развитой чувственности, напр. у жителей о. Таити. Другія же племена, хотя тоже погрязшія въ лѣни и неразвитости, но для которыхъ право сильнаго первѣйшій законъ, проводятъ жизнь

свою въ грабежѣ и въ постоянной борьбѣ то съ другими племенами, то съ хищными животными. Ненависть — ихъ преобладающая страсть; силою добытыя средства къ жизни—ихъ единственная забота; основной принципъ жизни—жить на счетъ другихъ, для чего нужно быть сильнѣе. Въ жертву фетишамъ приносятъ они кровь военно-плѣнныхъ, сами же торжественно съѣдаютъ ихъ мясо, какъ напр. антропофаги (людоѣды) Новой Зеландіи.—Вообще можно замѣтить, что жертвоприношенія фетишистскихъ племенъ отчасти характеризуютъ ихъ нравственное состояніе; и безъ преувеличенія можно сказать: чѣмъ грубѣе религіозныя понятія племенъ, тѣмъ нравы, обычаи и вся жизнь ихъ сложилась менѣе удовлетворительно; доказательствомъ тому можетъ служить жизнь нынѣ существующихъ племенъ Африки, Америки и Австраліи, которыя до сихъ поръ остались въ своемъ первобытномъ состояніи, погрязли въ грубомъ фетишизмѣ и картиною своихъ нравовъ могутъ насъ перенести въ эпоху первобытную, доисторическую.

Мы уже замѣтили выше, что право сильнаго было очень развито у первобытнаго человѣка и исходило непосредственно изъ его религіозныхъ вѣрованій. Вслѣдствіе чего женщина, какъ слабѣйшее существо, была угнетена и играла роль даже не рабы, а развѣ самки и домашняго животнаго. Общими правами съ мужчиною она не пользовалась. Какъ домашнюю рабочую скотину мужчина, по лѣности своей, употреблялъ ее въ хозяйствѣ и заставлялъ работать за себя въ то время, когда усталый отдыхалъ послѣ охоты или войны; идя же сражаться заставлялъ ее нести за собою оружіе. Онъ удалялъ ее безъ церемоніи, когда она ему

была болѣе не нужна, или убивалъ и выбрасывалъ ея тѣло на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, или же приготовлялъ себѣ изъ ея мяса вкусное блюдо, если она на это годилась. Какъ хозяинъ, какъ болѣе сильный, онъ считалъ себя вправѣ распорядиться участію принадлежавшей ему твари. Красота и женственность не могли быть отличительными качествами женщины въ этотъ періодъ: держа ее въ черномъ тѣлѣ, мужчина казался красивѣе ея. Забитая, робкая, менѣе развитая, принужденная работать въ потѣ лица своего даже въ періодъ беременности—она не могла быть красивой, слѣдовательно не могла и этимъ качествомъ вліять на мужчину. Объ истинной любви и взаимнсмъ согласіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Дюмонъ-Дюрвиль [1]) разсказываетъ, что если дикарю приглянулась какая-нибудь женщина, онъ не станетъ изъявлять ей своихъ чувствъ, онъ не станетъ объясняться съ нею; выбравъ удобную минуту, когда ея хозяина нѣтъ на лицо, онъ хватаетъ ее за руку и насильно ведетъ къ себѣ. Если она сопротивляется, онъ бьетъ ее по плечамъ, по головѣ, по лицу, словомъ по чему попало; окровавленную, чрезъ лѣса, овраги и болота тащитъ ее въ свою хижину, надъ полумертвою жертвою утоляетъ свою страсть, а потомъ бросаетъ какъ ненужную вещь.— Вотъ какою незавидною участію пользовалась женщина у первобытныхъ народовъ. Прослѣдимъ тѣ фетишистскія племена, которыя существуютъ еще и понынѣ, и посмотримъ, какими у нихъ правами пользуется женщина.

---

[1]) Dumont d'Urville Voyage de l'Astrolabe. Paris, 1830—1836. Его же. Voyage au pôle sud et dans l'Oceanie. Paris, 1842—1848. Его же. Voyage autour du monde. Paris, 2 vols. in 8 maj.

Фетишизмъ преимущественно господствуетъ въ западной, южной и центральной Африкѣ, въ полуночныхъ прибрежныхъ странахъ Ледовитаго моря, въ Австраліи и Полинезіи, а также у нѣкоторыхъ Американскихъ племенъ. Начнемъ съ чернокожихъ Африканцевъ.

ГЛАВА III.

А. Негритянка.

Въ южной Африкѣ, въ землѣ Готтентотовъ, по верховью рѣки Оранжевой, прозябаетъ въ лѣсахъ и въ горахъ покрытыхъ кустарникомъ совершенно дикое, обязьяно-подобное племя, подъ названіемъ Бошисманы (по голландски значитъ: люди живущіе въ кустарникахъ). Это совершенно звѣрское племя, не имѣя понятія ни о стыдѣ, ни объ одеждѣ, ходитъ совсѣмъ голое; достаетъ себѣ пищу разбоями и грабежемъ; питается также ящерицами, змѣями и кореньями. За ними сосѣди ихъ, Кафры, охотятся какъ за хищными звѣрями. Бездомные, они живутъ большею частію на деревьяхъ, по которымъ быстро лазятъ наподобіе обезьянъ. Женщины имѣютъ на задней части сальную опухоль, на которой помѣщаютъ своихъ дѣтей во время быстрыхъ передвиженій. Отношенія между полами чисто животныя. На ихъ языкѣ нѣтъ даже особыхъ словъ для выраженія понятій о дѣвицѣ и о замужней женщинѣ. Невѣрность не считается порокомъ: кто сильнѣе, тотъ и правъ. Представляемъ воображенію читателя дорисо-

вать картину нравовъ этого племени и вывести то значеніе, которое можетъ имѣть у нихъ женщина.

Настоящіе же Готтентоты начинаютъ уже отдаляться отъ самаго грубаго фетишизма, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поклоняются лунѣ. Духи и мертвецы занимаютъ не мало ихъ воображеніе. Обоготвореніе животныхъ тоже распространено. О значеніи у нихъ женщины можно судить по слѣдующему описанію ихъ нравовъ:

«У Готтентотовъ, говоритъ Сегюръ, женщины воспитываютъ своихъ мальчиковъ до ихъ совершеннолѣтія. Тогда молодой Готтентотъ выходитъ изъ-подъ опеки матери и принятіе его въ общество празднуется съ большимъ торжествомъ. Послѣ обычныхъ церемоній новопосвященный возвращается въ родную хижину, бьетъ и всячески издѣвается надъ своею матерью, чтобъ ей доказать, что онъ уже болѣе не въ ея власти. Чѣмъ болѣе варварства проявится въ исполненіи этого обычая, тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ уваженія своихъ товарищей, какъ ненавистникъ женскаго пола. Презрѣніе къ женщинѣ у этихъ варваровъ столь велико, что мать дѣлается совершенно безчувственною къ плачу маленькой Готтентотки, зная, что ожидаетъ ее въ будущемъ» [1]).

Левальянъ свидѣтельствуетъ, что «Готтентотъ можетъ имѣть столько женъ, сколько ему вздумается; и если онъ ограничиваетъ ихъ число, такъ это вслѣдствіе слабости своей организаціи» [2]).

---

[1]) V-te J. de Ségur. Les Femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social chez les differents peuples anciens et modernes. Paris, 1820.

[2]) Fr. Levaillant. Voyage dans l'interieur de l'Afrique en 1781. Paris. 1790.

Его же. Second voyage dans l'interieur de l'Afrique en 1787. Paris 1795

Къ сѣверовостоку отъ Готтентотовъ лежитъ земля Кафровъ. Кафры строеніемъ тѣла своего представляютъ смѣсь негритянской породы съ Египтянами и даже Семитами. Они очень стройны и красивы. Въ ихъ религіи тоже замѣтно вліяніе этихъ народовъ. Такъ напр. они вѣрятъ въ очищеніе отъ грѣховъ и имѣютъ нѣкоторое, хотя и туманное, понятіе о будущей жизни. Вообще говоря, религіозныя понятія у нихъ мало развиты. Ихъ жертвоприношенія служатъ къ смягченію гнѣва нѣкоторыхъ силъ природы, или животныхъ ими обоготворяемыхъ. Вѣра въ ихъ вліяніе и въ колдовство служитъ основаніемъ религіи. Правильнаго же богослуженія и религіозныхъ обрядовъ у нихъ нѣтъ. Многоженство употребительно у Кафровъ, но жениться нельзя иначе, какъ съ согласія родителей и съ одобренія всей общины. За невѣсту обыкновенно платятъ до 10 головъ скота. Семейная жизнь болѣе развита чѣмъ у другихъ сосѣднихъ племенъ: жена не такъ угнетена и даже пользуется нѣкоторыми домашними правами наравнѣ съ мужемъ. Супружеская невѣрность наказывается смертію обольстителя или же матеріальнымъ вознагражденіемъ. Послѣднее предпочитается. За побѣгъ жены родители ея должны вознаградить мужа нѣсколькими головами скота. Разводъ допускается, но не иначе какъ съ согласія вождя. Домашнія ссоры, за исключеніемъ супружеской невѣрности, разбираются общиннымъ судомъ. Настолько развившаяся семейная жизнь подтверждаетъ мнѣніе, будто въ Африкѣ также было нѣкогда великое переселеніе народовъ и племя Кафровъ вѣроятно смѣшалось съ народами, пришедшими изъ Египта и даже малой Азіи.

Къ сѣверу отъ Кафровъ, по всему протяженію за-

паднаго берега Африки, вплоть до магометанскаго Судана и Сенегамбіи расположены земли Гвинейскихъ Негровъ, самыхъ грубыхъ фетишистовъ, съ весьма развитою чувственностію и очень ограниченными умственными способностями. Особенно этими качествами отличаются Негры южной Гвинеи, у береговъ рѣки Конго. Многіе Гвинейскіе Негры устраиваютъ своимъ идоламъ храмы, въ которыхъ поютъ и пляшутъ нарочно для того обученные мальчики и дѣвочки. Ихъ содержатъ на общественный счетъ и вмѣняютъ имъ въ обязанность смотрѣть за идолами. Вѣрятъ въ загробную жизнь и убѣждены что душа человѣческая на томъ свѣтѣ продолжаетъ жить тою жизнію, какою жила на землѣ; поэтому при похоронахъ своихъ вождей Гвинейскіе Негры убиваютъ ихъ любимыхъ женъ и рабынь и хоронятъ вмѣстѣ съ ними, чтобы и на томъ свѣтѣ онѣ имъ служили. Въ торжественные дни приносятъ въ жертву людей, мясо которыхъ съѣдаютъ тутъ же. Нравы Гвинейскихъ Негровъ довольно разнообразны: такъ Негръ изъ Конго и Анголы, говоритъ Вирей [1]), считаетъ совершенно естественнымъ дѣломъ самому обезчестить дочь свою. Дѣвицамъ вообще предоставлена полная свобода. На Золотомъ берегу дѣвушка хвастаетъ передъ другими числомъ навѣшанныхъ на ней побрякушекъ, которое обыкновенно равняется числу ея бывшихъ любовниковъ. Жаггасы и Негры изъ Анзико, Лоанго, Сіерра-Леоне, Бенина, прибрежьевъ р. Сенегала, Зеленаго мыса и нѣкот. др. до того презираютъ невинность и неплодіе, что

---

[1]) J. J. Virey. Histoire naturelle du genre humain P. 1824.
Его же. De la femme sous ses rapports physiologiques, morales et littéraires. Paris. 1825. 1 vol. in 8.

устраиваютъ общественныя оргіи, чтобъ не заслужить кары небесной. Зато нарушеніе супружеской вѣрности со стороны женщины большинство Гвинейскихъ Негровъ считаетъ самымъ великимъ преступленіемъ и наказываетъ очень строго. Полигамія общеупотребительна. Женъ обыкновенно пріобрѣтаютъ посредствомъ купли. У Ашантскаго короля до трехъ тысячъ женъ. Разводъ во многихъ мѣстахъ Гвинеи чрезвычайно затруднителенъ, почему зачастую берутъ сперва себѣ дѣвицу на испытаніе, и если окажется, что она не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ негра - естествоиспытателя, то онъ отсылаетъ ее обратно; въ противномъ же случаѣ оставляетъ ее у себя и производитъ въ жены.

Но не такъ высоко цѣнится званіе жены и не такъ строго наблюдаютъ за супружескою вѣрностію другіе приморскіе Негры. Напротивъ того въ Сенегамбіи, по увѣренію Вирея, Ялофы часто продаютъ своихъ женъ за нѣсколько бутылокъ водки, до которой они большіе охотники.

Шотландецъ Мунго Паркъ, пытавшійся въ 1795 г. проникнуть съ сѣвера во внутренность Африки, говоритъ что въ верховьяхъ Гамбіи, на золотыхъ пріискахъ, разработкою минъ и промывкою золотаго песку занимаются исключительно женщины.

Не менѣе характеристичны нравы въ королевствѣ Дагоме, на южномъ склонѣ Конгскаго хребта: новорожденные не остаются у родителей; они принадлежатъ королю и потому ихъ отымаютъ отъ груди матери и воспитываютъ въ особенныхъ домахъ. Жизнь и вся будущность новорожденнаго зависитъ не отъ родителей, а отъ короля; на этомъ основаніи король можетъ продавать всѣхъ женщинъ своего государства. Желающій жениться дол-

женъ купить позволеніе у короля. Въ королевскую стражу, въ отрядъ тѣлохранителей, вербуютъ лишь однѣхъ женщинъ. Ловкія и красивыя наѣздницы подготовляются съизмала въ этотъ отрядъ амазонокъ.

Въ королевствѣ Бурну, близъ Чадскаго озера, жена не смѣетъ иначе говорить съ своимъ мужемъ и повелителемъ, какъ преклонивъ предъ нимъ колѣна.

Андерсонъ разсказываетъ, что въ центральной Африкѣ есть племя—Бечуаны, въ которомъ мужчипа почти ничего не работаетъ; всѣ тяжкія работы, какъ домашнія такъ и полевыя, предоставлены женщинѣ, которая не находитъ времени для отдыха. Мужчина же отправляется на охоту, или куритъ цѣлый день лежа навзничь. Если дѣвушка этого племени выходитъ замужъ, то ее предварительно подвергаютъ испытанію, но отличному отъ испытанія Гвинейскихъ Негровъ. Желая узнать терпѣлива ли невѣста и годна ли для тяжкой работы, ей кладутъ въ руку добѣла накаленное желѣзо и приказываютъ его держать до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатъ отъ него освободиться. Если дѣвица выдержала терпѣливо пытку, то ее считаютъ достойною поступить въ супруги, другими словами достойною соединить въ себѣ обязанность самки и ломовой лошади. Кромѣ этого варварскаго обычая у Бечуановъ есть другой, не менѣе жестокій, именно убивать одного изъ близнецовъ, если таковые родятся, и обыкновенно болѣе слабаго, а если они разнаго пола, то конечно дѣвочку. Племя это не имѣетъ почти никакой религіи и не знаетъ никакихъ фетишей.

Ливингстонъ [1]), проникшій глубже другихъ въ цен-

---

[1]) Путешествіе Д-ра Ливингстона по внутренней Африкѣ. 1840—1856. С. П. Изд. Вольфа. 1 т. въ 8 д. л.

тральную Африку, говоритъ что у Бечуановъ, живущихъ сѣвернѣе, семейная жизнь болѣе развита. У семейнаго котла бѣдняга находитъ радушный пріемъ. Но все-же Бечуанки занимаются болѣе тяжелыми работами: онѣ обработываютъ поля, строятъ хижины, въ то время какъ мужья доятъ коровъ. Полигамія общеупотребительна. Вожди имѣютъ огромные гаремы. Женъ покупаютъ богатые за 10 головъ скота; у бѣдныхъ она продается зачастую за двѣ кирки (орудіе для вспашки земли).

Къ сѣверу отъ верховьевъ Замбезе Ливингстонъ открылъ племя Балонда, въ которомъ главой была женщина, а мужъ не раздѣлялъ даже ея достоинства—явленіе знаменательное, совершенно необъяснимое въ этихъ варварскихъ странахъ.

Жители Баніай, говоритъ Ливингстонъ, считаютъ всѣхъ людей равными. Повелѣваютъ у нихъ нерѣдко женщины, а мужья повинуются. Послѣдніе идутъ на заработки не иначе, какъ съ разрѣшенія женъ. Но подобная зависимость мужа однакоже бываетъ лишь тогда, когда онъ настолько бѣденъ, что не можетъ выплатить за жену условленное вознагражденіе ея родителямъ. Въ такомъ случаѣ мужъ переѣзжаетъ въ жилище ея родителей и долженъ повиноваться какъ ей, такъ и тещѣ. Если ему надоѣстъ такое подчиненіе, то онъ можетъ бросить жену и уйти къ себѣ; но отрѣшаясь отъ жены, онъ лишается права взять съ собою дѣтей ея.

У Кацембовъ глава можетъ взять къ себѣ въ гаремъ всякую женщину, которая ему понравится; при

(Тоже на дняхъ вышло въ свѣтъ). Новыя путешествія въ юж. Африку по р. Замбезе 1858—1864. Дав. и Карла Ливингстона. Переводъ подъ ред. Страхова. С. П. 2 т. въ 8 д. л.

чемъ ей приказываютъ покаяться во всѣхъ своихъ прежнихъ сердечныхъ связяхъ. Тогда всѣхъ ея мужей и любовниковъ предаютъ смерти, дабы никто не могъ сказать владыкѣ: «и я былъ обладателемъ твоей возлюбленной».

Въ заключеніе этой картины нравовъ чернокожихъ фетишистовъ Африки добавимъ, что Комбъ и Тамизье, путешествуя по землѣ Галласовъ, къ югу отъ Абиссиніи, замѣтили, что на языкѣ этихъ племенъ нѣтъ даже термина, которымъ бы можно было заклеймить женщину распутную; и это вѣроятно потому, что въ этихъ странахъ одно только похотливое желаніе какого бы то ни было индивидуума есть уже право на обладаніе любою женщиной.

ГЛАВА IV.

В. **Негритосска.**

Много общаго въ нравахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ съ Африканскими Неграми-фетишистами имѣютъ Негры Австралійскіе, которые въ отличіе отъ первыхъ получили названіе Негритоссовъ. Они населяютъ югозападную часть Океанійскаго архипелага, такъ назыв. Меланезію (острова: Новую Голландію, Н. Гвинею, Н. Британію, Н. Ирландію, Н. Каледонію, Вандименову землю, Св. Духа, Луизіады, Гебридскіе, Фиджи или Вити и др. близьлежащіе). Негритоссы отличаются отъ Африканскихъ Негровъ менѣе темною кожею, менѣе сильнымъ тѣлосложеніемъ и меньшей энергіей. Даже въ отправленіи ихъ религіозныхъ обрядовъ замѣтно менѣе фанатизма и вообще они представляютъ собою слабое подобіе своихъ Африканскихъ собратій. Ренувье полагаетъ [1]), что Негритоссы ни что иное, какъ Африканскіе Негры, выселившіеся въ Остъ-Индійскій архипелагъ; и что оттуда они

---

[1]) Renouvier. Introd. à la phil. anal. de l'histoire.

были вытѣснены потомъ на югъ въ Меланезію племенами малайскаго происхожденія. У многихъ Негритоссовъ трудно замѣтить даже существованіе какого бы то ни было вѣрованія, другіе имѣютъ своихъ фетишей; у иныхъ замѣчается вѣра въ существованіе злаго духа, иногда и въ добраго. Высказываются также иногда довольно смутныя понятія о будущей жизни, но жертвоприношенія приносятся рѣдко. И если встрѣчается людоѣдство, то оно является не вслѣдствіе религіозныхъ побужденій, какъ напр. въ Новой Зеландіи и у другихъ полинезійскихъ племенъ, а единственно какъ месть врагу своему, или же слѣдствіемъ голода. И тутъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, болѣе слабое существо, женщина, должна выносить на себѣ всю тяжесть нравовъ и обычаевъ, вытекающихъ изъ такого жалкаго міросозерцанія. Вообще нравы островитянъ очень различны.

Дюмонъ Дюрвиль говоритъ, между прочимъ, что Негритоссъ Новой Голландіи принадлежитъ къ самому низшему меланезійскому типу и одаренъ природою не больше безобразнаго Сааба (Бошисмана) южной Африки или Пешересса Огненной Земли. Если вѣрить Бритону, что матери убиваютъ иногда своихъ дѣтей для того, чтобы кормить своею грудью щенятъ, которыхъ потомъ воспитываютъ и дрессируютъ для ловли двуутробокъ и кенгуру,—то сознаемся что Бошисманка, какъ обезьяноподобное, дикое животное, гораздо выше подобнаго человѣческаго отродья. Въ окрестностяхъ Порта Джаксона супружества совершаются не менѣе варварскимъ образомъ. Молодой человѣкъ, желающій жениться, подстерегаетъ какую-нибудь дѣвушку изъ сосѣдняго племени, опрокидываетъ ее палочными ударами, взваливаетъ ее на плечи

и уноситъ къ себѣ, гдѣ вступаетъ въ супружескія права со всею грубостію дикаря. Замѣчательно однакоже, что похищенная такимъ образомъ дѣвушка зачастую привязывается къ своему супругу навсегда. У племени Мурранъ въ окрестностяхъ порта короля Георга, родители обручаютъ дѣвочку обыкновенно въ дѣтствѣ и когда ей минетъ двѣнадцать лѣтъ, то отдаютъ жениху, нерѣдко старику, имѣющему уже нѣсколькихъ женъ. Въ такомъ случаѣ она запасается любовникомъ и хотя всѣ это знаютъ, но не обвиняютъ ее за то, лишь бы скрыто было отъ мужа. Опасность продолжается до тѣхъ поръ, пока жена не станетъ беременной; тогда мужъ и любовникъ обыкновенно примиряются; обиженный мужъ получаетъ подарки и отказывается на время отъ жены. Увести такимъ образомъ жену другаго и бѣгать съ нею по лѣсамъ называется по-туземному *мар-инъ-калата*. Обычай же именуемый *тара-манакъ-каракъ* похожъ на италіянскій чичисбеизмъ, заключающійся въ томъ, что можно ухаживать за женою другаго, не скрывая этого отъ мужа, но давъ обѣтъ непремѣнно жениться на ней послѣ его смерти. Когда умираетъ женщина имѣющая груднаго ребенка, то его убиваютъ и хоронятъ вмѣстѣ съ матерью, если не найдется сострадательный человѣкъ, который пожелаетъ взять младенца на воспитаніе.

Въ Вандименовой землѣ нравы менѣе варварскіе; тамъ не похищаютъ насильно женщинъ и не убиваютъ младенцевъ. Но нѣжностію мужья тоже не отличаются: пустыни ихъ дотого имъ противны, со времени колонизаціи береговъ, что они охотно бросаютъ на произволъ судьбы своихъ женъ и дѣтей и убѣгаютъ къ матросамъ на китоловныя суда.

Въ Новой Каледоніи мужчины дотого ревнивы,

что женщины, которымъ впервые удалось видѣть Европейца, вопреки желанію удовлетворить свое любопытство, прятались, отказывались даже отъ подарковъ и умоляли уйдти изъ ихъ хижинъ, показывая знаками, что если ихъ застанутъ мужья, то имъ не сдобровать. Наказаніе самое любимое у туземцевъ — убить виновнаго и съѣсть съ пріятелями. Людоѣдство очень развито, вѣроятно вслѣдствіе скудости пищи; мясо дѣтей, женщинъ и преступниковъ нерѣдко попадаетъ на столъ.

На островахъ Вити или Фиджи людоѣдство распространено болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, болѣе чѣмъ въ Новой Зеландіи, гдѣ оно поощряется религіозными вѣрованіями; и хотя вѣрованія Витійцевъ схожи съ вѣрованіями обитателей Полинезійскихъ острововъ, какъ самыхъ близкихъ ихъ сосѣдей, но людоѣдство у нихъ не есть обрядъ религіозный, не есть также слѣдствіе скудости ихъ пищи, а скорѣе слѣдствіе чисто извращеннаго вкуса, находящаго въ человѣческомъ мясѣ самое лучшее блюдо. У начальника Шибао, говорятъ, до 100 женъ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ, особенно на остр. Танна, Кукъ замѣтилъ, что мужчины кромѣ оружія ничего не носятъ, всѣ же тяжести переносятся женщинами.

Въ Тикопіи, на одномъ изъ Лаперузовыхъ острововъ, лежащемъ посреди Меланезійскихъ группъ, порода и вѣрованія жителей скорѣе полинезійскія. Жены въ Тикопіи большею частью вѣрны мужьямъ, потому что въ случаѣ невѣрности имъ предстоитъ смертная казнь. Зато молодыя дѣвушки свободны и пользуются своею свободою вполнѣ. Впрочемъ если онѣ дѣлаются матерями, то для прикрытія стыда нерѣдко прибѣгаютъ къ дѣтоубійству. Брачный обрядъ совер-

шается такъ: ночью мужчина посѣщаетъ свою возлюбленную, и если она остается имъ довольна, то объявляетъ объ этомъ вождю; тотъ скрѣпляетъ ихъ бракъ и молодые подносятъ ему корзину съ плодами.

Папуасы въ Новой Гвинеѣ и на островахъ близълежащихъ устраиваютъ свои хижины надъ водою, на вбитыхъ въ дно сваяхъ. Большею частію женщинъ помѣщаютъ въ одномъ общемъ зданіи (нѣчто въ родѣ гинекея), гдѣ онѣ работаютъ вмѣстѣ, напѣвая. Хижины же для неженатыхъ строятся подальше отъ берега. Когда молодой Папуасъ желаетъ жениться, то приходитъ къ дамѣ своего сердца и проситъ руки; если она согласна, то онъ призываетъ нѣсколькихъ свидѣтелей, молча при нихъ убиваетъ пѣтуха и уводитъ невѣсту въ особую комнату. Тогда свидѣтели удаляются и объявляютъ всѣмъ о совершившемся бракѣ. Поминки по усопшимъ совершаются болѣе торжественно: на открытой площадкѣ, ночью, при свѣтѣ факеловъ, сидятъ всѣ приглашенные за общей трапезой, ѣдятъ и пьютъ безпощадно, причемъ говорятъ спичи, обращаясь къ стоящимъ посреди яствъ фетишамъ.

ГЛАВА V.

С. Женщина полярныхъ странъ.

Тѣ же религіозныя вѣрованія мы встрѣчаемъ и у жителей полярныхъ странъ, въ развитіи которыхъ много общаго съ Эѳіопскими и Австралійскими Неграми. Фетишизмъ самый грубый господствуетъ и здѣсь; но нравы, вслѣдствіе мѣстныхъ причинъ, отличаются отъ негритянскихъ. Непроизводительность почвы, трудность добывать пищу были причиною тому, что племена эти привыкли проводить жизнь въ трудѣ, занимаясь охотою и рыболовствомъ. Постоянная борьба съ стихіями и съ морскими животными сдѣлала то, что нравы ихъ относительно чище; вражды племенъ между собою у нихъ не замѣчается—иначе конечно они бы совершенно истребили другъ друга. Это вѣроятно единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ войну съ сосѣдями не считаютъ цѣлью жизни или по крайней мѣрѣ способомъ обогащенія. Имъ не извѣстна также страсть повелѣвать, подчинять своей власти себѣ подобныхъ; поэтому у нихъ и нѣтъ склонности образовывать организованныя общества и государства. Напротивъ въ нихъ за-

мѣчаются доброжелательство къ ближнему, духъ равенства и независимости; но вмѣстѣ съ этими качествами—умственная ограниченность, скупость и эгоизмъ. Фетиши у нихъ различны: есть частные, домашніе, есть и общіе; но они далеки отъ религіознаго фанатизма и боги ихъ не играютъ большой роли. Вѣра въ добраго и злаго духа почти вездѣ распространена: все въ природѣ ими управляется, всё получаетъ свое направленіе смотря по тому, злой или добрый духъ беретъ верхъ въ вѣчной борьбѣ. Нѣчто миѳическое проглядываетъ въ ихъ вѣрованіяхъ: такъ Камчадалы ночь объясняютъ себѣ тѣмъ, что супруга добраго духа, удрученная горемъ, покрываетъ себя черной завѣсой въ отсутствіи своего благовѣрнаго; заря же—это краска, которою покрываются ея щеки, когда супругъ возвращается назадъ. О будущей жизни племена эти имѣютъ нѣкоторыя темныя понятія. Они предполагаютъ два возможныя бытія за гробомъ: одно счастливое—для тѣхъ, которые геройски погибли на охотѣ или же въ борьбѣ съ стихіями; другое тяжкое, рабское бытіе подъ властію строгаго и требовательнаго владыки—для тѣхъ, кто умеръ спокойно у себя въ юртѣ. Первое надъ облаками, второе—на днѣ морскомъ, подъ землею, или въ пространствѣ, гдѣ души умершихъ будутъ вѣчно носимы вѣтрами. Собственно богослуженія у нихъ нѣтъ; колдуны или вѣщуны устраиваютъ жертвоприношенія съ цѣлію заклинанія злаго духа, чтобъ онъ не мѣшалъ производить имъ удачную охоту. Гренландецъ подвергаетъ себя посту и истязаніямъ, чтобы понравиться духамъ и войти съ ними въ сношенія. Тогда онъ дѣлается вѣщателемъ будущаго и истолковатемъ

воли духовъ. Суевѣріе конечно развито до громадныхъ размѣровъ.

Всѣ племена полярныхъ странъ очень схожи между собою: не смотря на различіе мѣстности, на различіе языка—обычаи, обряды, жилищъ, одежды и нравы почти у всѣхъ одинаковы. Что скажемъ напр. объ Эскимосахъ, тоже самое можно сказать и о другихъ полярныхъ племенахъ, потому что природа заставила ихъ всѣхъ одинаково жить такъ, а не иначе.

Собственно Эскимосы заселяютъ острова и прибрежья американскаго сѣвера. Ихъ причисляютъ иные къ монгольской породѣ, предполагая, что они тѣ же Азіатскіе Алеуты и Чукчи, пришедшіе съ запада, и заселившіе сѣверные берега Америки, но видоизмѣнившіеся вслѣдствіе мѣстныхъ причинъ. Другіе же производятъ Эксимосовъ отъ южныхъ ихъ сосѣдей, краснокожихъ Индѣйцевъ. Д-ръ Кэнъ въ своихъ запискахъ *) говоритъ, что Эскимосы любятъ покой и если у нихъ бываютъ драки, то навѣрное изъ-за женщины. Ничто другое не заставитъ Эскимоса драться съ себѣ подобнымъ. Занятія мужчинъ—рыбная ловля и охота. Ихъ колдуны (ангекоки) заклинаютъ духовъ и раздаютъ амулеты для удачной ловли. Женщины строятъ юрты и лодки, шьютъ платья и обувь, стряпаютъ, выдѣлываютъ кожу, словомъ на нихъ лежитъ вся трудная домашняя работа; нерѣдко онѣ сопровождаютъ мужчинъ на опасную охоту.— Беспечность Эскимоса доходитъ до того, что онъ не думаетъ никогда запасаться пищей на будущее время; послѣ удачной охоты онъ возвращается въ свою юрту

*) Д-ръ Кэнъ. Путешествіе для открытій въ полярныя страны.

и нѣжится въ ней. Температура въ юртѣ такова, что женщины и дѣти обыкновенно въ ней ходятъ голыя. Многоженству у Эскимосовъ нѣтъ препятствій; нерѣдко женятся въ очень молодые годы. У нихъ есть обычай, сходный съ обычаями Индѣйцевъ сѣверной Америки, именно уводить невѣстъ; приданаго никакого не требуется: оно должно заключаться въ парѣ здоровыхъ рукъ. Когда жена надоѣла мужу и онъ хочетъ развестись съ нею, то для избѣжанія домашнихъ сценъ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ вздумалъ ее отослать домой къ родителямъ, онъ въ продолженіе нѣкотораго времени все отмалчивается, показываетъ видъ будто сердится и уходитъ часто изъ дому не сказавъ куда. Жена, понимая въ чемъ дѣло, собираетъ свои пожитки и съ дѣтьми убирается къ отцу. Иногда же мужья мѣняются преспокойно женами, не считая нужнымъ спросить ихъ согласія. Когда же Эскимосъ овдовѣетъ, то ангекокъ предписываетъ ему трауръ, состоящій напр. въ томъ чтобы воздерживаться отъ охоты на тюленей и моржей, или не ѣсть любимаго блюда въ продолженіе извѣстнаго срока. Эти ангекоки большіе плуты. Они увѣрили напр. Эскимосовъ, что незамужней женщинѣ не годится принимать участіе въ общественныхъ празднествахъ, ибо это не нравится духамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвицамъ, желающимъ повеселиться, сообщили средство, при помощи котораго онѣ могутъ выйти изъ этого непріятнаго для нихъ затворничества; именно, если дѣвица подаритъ ангекока первыми своими ласками, то жертва эта дотого цѣнится духами, что они уполномочиваютъ ангекока возвести ее въ достоинство замужней женщины, и съ той поры она можетъ посѣщать общественныя празднества.

Кочующіе Чукчи дотого ревнивы, что жены ихъ никогда почти не моются, находя совершенно лишнимъ стараться нравиться мужьямъ.

Зато у осѣдлыхъ Чукчей замѣчается большая вольность нравовъ; женщины у нихъ податливы и въ юртахъ, въ которыхъ температура очень высока, ходятъ голыя и кокетничаютъ своимъ расписаннымъ тѣломъ.

У Камчадалокъ также мало женской стыдливости; онѣ любятъ погуливать, а въ старости распутныя получаютъ репутацію вѣдьмъ и чародѣекъ.

Болѣе Камчадаловъ уважаютъ супружескую вѣрность Лапландцы.

Самое названіе Самоѣдовъ произошло потому, что во время большой стужи, когда никакая охота или ловля не могла быть успѣшна, они съѣдали отъ голода болѣе слабыхъ, не могущихъ защищаться. Дѣти, жены и старцы дѣлались жертвами другихъ. Правильнѣе называть Самоѣдовъ сыроѣдами, потому что они ѣдятъ сырое мясо и рыбу. У нихъ нѣтъ ни религіозныхъ обрядовъ, ни вѣрованій; они знаютъ лишь что существуетъ какое-то высшее существо, создавшее всю вселенную, но не поклоняются ему.

Г-нъ Максимовъ утверждаетъ *), что даже крещеные Самоѣды носятъ за пазухой своихъ божковъ, именуемыхъ ими *хегами*, вѣрятъ въ злыхъ духовъ (табедціевъ), и имѣютъ своихъ жрецовъ или колдуновъ (тадибеевъ), выполняющихъ ту же роль, какъ и ангекоки у Эскимосовъ и шаманы у Остяковъ.

Когда Самоѣдъ умираетъ, то прорываютъ обыкновен-

---

*) С. Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ. С. П. 1859. Изданіе Кожанчикова. 2 тома, въ 8-ю д. л.

но диру въ цѣломъ мѣстѣ чума, выносятъ въ это отверстіе усопшаго, кладутъ съ нимъ въ гробъ ложки, чашки, харей и части разломанныхъ саней, и все это вмѣстѣ предаютъ землѣ. На могилѣ убиваютъ оленя и съѣдаютъ его тутъ же сыраго. «Самоѣдъ, говоритъ г. Максимовъ, плохой семьянинъ. Взявъ себѣ *иньку* (жену) непремѣнно изъ чужаго рода, самоѣдъ живетъ съ нею какъ-бы только для того, чтобы не остаться холостымъ; невыносимо бьетъ ее, если замѣтитъ невѣрность, и преспокойно отвязываетъ и уводитъ оленя отъ саней своего соперника. Жену покупаетъ онъ за нѣсколько песцовъ, лисицъ или оленей при посредствѣ *эву* (свата)». Свадебный обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: эву условливается съ отцомъ невѣсты, и въ назначенный день женихъ пріѣзжаетъ въ невѣстинъ чумъ (юрту, шалашъ); здѣсь устраиваютъ пирушку и потомъ оставляютъ жениха съ невѣстой однихъ въ чумѣ. Въ полночь женихъ уѣзжаетъ и является опять уже въ день свадьбы. Его долго не впускаютъ, требуя подарковъ; потомъ обмѣниваются подарками и со всѣмъ приданымъ и выкупнымъ добромъ обводятъ молодыхъ сперва три раза вокругъ невѣстина, а потомъ три раза вокругъ женихова чума. Этимъ завершается весь свадебный обрядъ. Многоженство у нихъ въ общемъ употребленіи. Десяти или двѣнадцати лѣтъ дѣвица можетъ выйдти замужъ. Во все время беременности и 8 недѣль послѣ родовъ жена считается нечистою и оскверняющею все, до чего только ни дотронется. Она получаетъ за это побои отъ мужа и только послѣ окуренія ея оленьимъ жиромъ становится опять чистою. Вообще участь женщины у Самоѣдовъ ничѣмъ не лучше участи ея у Эскимосовъ.

ГЛАВА VI.

Д. Женщина Полинезіи.

Перенесемся теперь мысленно съ полярныхъ снѣговъ въ восточную часть Океаніи, гдѣ живутъ люди другой расы, подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, обусловливающихъ ихъ религіозныя вѣрованія. Мы встрѣтимъ и здѣсь племена оставшіяся въ своемъ первобытномъ состояніи, родственныя по нравамъ, обычаямъ и образу жизни и жителямъ полярныхъ странъ, и чернокожимъ Африканцамъ и Меланезійцамъ и краснокожимъ туземцамъ Новаго Свѣта. Но въ такъ называемой Полинезіи насъ не поражаетъ (по крайней мѣрѣ очень рѣдко) тотъ грубый фетишизмъ, который господствуетъ у другихъ первобытныхъ племенъ. Въ ихъ фетишизмѣ или, правильнѣе, политеизмѣ мы замѣчаемъ стремленіе создать на началахъ миѳологическихъ, догматическихъ или даже нравственныхъ цѣлое ученіе, которое понимается и толкуется чуть ли не на каждомъ островѣ различно, и образуетъ культы начиная отъ самыхъ варварскихъ и

кончая культомъ, какой мы встрѣчаемъ у древнихъ арійскихъ патріархальныхъ племенъ.

Нѣкоторые полагають что Полинезійцы—это смѣшанные потомки Австралійцевъ, Малайцевъ и даже краснокожихъ Индѣйцевъ и не представляють собою особой первобытной расы. Напротивъ Ренувье полагаетъ противное; онъ говоритъ что Полинезійцы составляютъ скорѣе особую первобытную расу, въ которую вошли чужіе элементы и оставили слѣды какъ въ породѣ, такъ и въ языкѣ. И потому этнологическіе и лингвистическіе доводы своихъ противниковъ онъ отвергаетъ какъ несостоятельные, тѣмъ болѣе что религіозный культъ Полинезійцевъ представляетъ собою совершенно особый складъ, особенный характеръ и разнится въ самомъ своемъ основаніи отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ вѣрованій другихъ племенъ. Дѣйствительно, не представляетъ ли собою учрежденіе *табу* совершенно оригинальную, первобытную форму религіи? Это слово выражаетъ въ одно и тоже время и форму вѣрованій, и идею долга и закона, и способъ управлять и судить. Табу,—это все что только освящено, неприкосновенно или запрещено; къ чему недозволено приближаться или прикасаться; чего нельзя видѣть или ѣсть; что нельзя дѣлать въ извѣстное время или въ извѣстномъ мѣстѣ. Словомъ предметы, лица, мѣста и дѣйствія *табуируются* по произволу; и этого рода актъ, освящается обыкновенно болѣе или менѣе варварскимъ обычаемъ, какъ напр. казнью, осуществляющею собою мщеніе тайныхъ, невѣдомыхъ силъ; потому что казни, какъ жертвоприношенія, какъ всѣ вообще религіозные обряды, производятся съ цѣлію задобрить и расположить къ себѣ злыхъ, вредъ приносящихъ боговъ. Такое

табуированіе служитъ укрѣпленіемъ принятыхъ правилъ относительно труда и собственности; оно гарантируетъ привиллегіи высшихъ сословій или кастъ, а также права мужскаго пола; оно выражаетъ идею святости, соединенную съ обѣтами, жертвоприношеніями и лишеніями всякаго рода, на которыя каждый себя добровольно обрекаетъ, и наконецъ выражаетъ святость тѣхъ религіозныхъ отправленій, которыя созданы воображеніемъ всего племени или причудливой фантазіей одной какой-нибудь личности.

Въ Полинезіи предметомъ обожанія часто служатъ силы природы, планеты и метеоры; но это обоготвореніе имѣетъ антропоморфическій характеръ, потому что Полинезійцы обыкновенно олицетворяютъ своихъ боговъ въ формѣ человѣка—особенность, отличающая ихъ религію отъ грубаго фетишизма. И хотя встрѣчаются тамъ и сямъ амулеты и божки довольно схожіе съ фетишами, но эти фигурки не считаются ими за самихъ боговъ, а лишь за ихъ изображенія и представленія. Своимъ божествамъ Полинезійцы приписываютъ способность производить чудеса и феномены; поэтому напр. громъ считаютъ они за голоса боговъ. Такъ существуетъ у нихъ богъ времени и боги временъ года; богъ моря, богъ дна морскаго; наконецъ одно высшее существо, которое жило въ пространствѣ и разсѣявъ свои члены создало небо, землю и звѣзды (О-ва Маріанскіе). — Но наряду съ этими богами, съ которыми тѣсно связаны великія явленія природы, у Полинезійцевъ являются боги войны и смерти, богъ искусства и открытій (Тонга), боги домашніе, боги-эмигранты, которые переселились на землю и заселили ее своими благородными потомками (Таити, Тонга); являются у

*

нихъ и маны, души умершихъ вождей, или другихъ замѣчательныхъ личностей, будто-бы имѣющихъ вліяніе на живущихъ (Тонга, Сандвичевы острова); наконецъ живые, замѣчательные въ какомъ-нибудь отношеніи люди, могутъ сдѣлаться предметами обоготворенія. Въ такомъ случаѣ имъ строятъ храмы, ставятъ кумиры и они положительнымъ образомъ считаются богами. Кукъ произвелъ такое впечатлѣніе на туземцевъ Гавайскихъ острововъ что они его стали почитать за бога и случалось даже, что этотъ знаменитый мореплаватель, ничего не подозрѣвая, былъ участникомъ въ ихъ религіозныхъ празднествахъ, гдѣ ему были оказываемы почести, принадлежащія однимъ лишь богамъ. — На островахъ Маркизскихъ жилъ отшельникъ—предметъ обожанія и страха, которому приносили въ жертву даже людей.

Изъ этого перечисленія разныхъ Полинезійскихъ боговъ мы могли усмотрѣть то замѣчательное обстоятельство, что обожаніе феноменовъ природы, олицетворенныхъ въ формѣ человѣческой, не замедлило перейдти въ обожаніе душъ усопшихъ людей и наконецъ въ обожаніе существующихъ живыхъ субъектовъ, т. е. антропоморфизмъ или олицетвореніе божества перешло въ обоготвореніе самого человѣка,—что дикарю показалось болѣе понятно и естественно.

Въ Новой Зеландіи существуетъ обрядъ, напоминающій немного крещеніе. Дюмонъ-Дюрвиль свидѣтельствуетъ, что когда ребенку даютъ первичное имя или даютъ взрослому новое, то обыкновенно окропляютъ имъ лобъ водою, причемъ произносятъ таинственныя слова, смыслъ которыхъ долженъ выражать просьбу богамъ, чтобы послѣдніе не оставили своимъ благорасположені-

емъ виновника торжества. Тамъ же существуетъ слѣдующій обычай: тѣхъ изъ племени, которые не могли, по какимъ-либо обстоятельствамъ, присутствовать при жертвоприношеніи, а слѣд. и не участвовали въ пиршествѣ, на которомъ съѣдали принесеннаго въ жертву,—пріобщали особо приготовленной пищей, освященной прикосновеніемъ того же табуированнаго предмета, который игралъ первую роль при жертвоприношеніи.

На о. Тонга существуетъ повѣріе, что богъ, который велѣлъ выйти землѣ изъ морей, населилъ ее двумя своими сыновьями и ихъ женами. Младшій изъ нихъ былъ дѣятеленъ и трудолюбивъ, старшій былъ лѣнивъ и проводилъ время въ праздности. Послѣдній убилъ младшаго своего брата, за что былъ проклятъ отцемъ. Съ этихъ поръ, говоритъ повѣріе, человѣчество раздѣлилось на двѣ вѣтви, изъ которыхъ каждая разнилась цвѣтомъ кожи. Другое повѣріе говоритъ, что нѣкоторые боги были сосланы на землю и сдѣлались смертными. Въ Новой Зеландіи повѣріе объ убіеніи старшимъ братомъ младшаго заканчивается тѣмъ, что убійца съѣлъ свою жертву; почему Новозеландцы считали себя вправѣ подражать богамъ. Ихъ жертвоприношенія имѣли характеръ задабривающій злыхъ боговъ; отсюда и самой жертвѣ ихъ воображеніе приписывало качество исцѣляющее отъ золъ или предотвращающее всякія бѣдствія. Богу они предназначали одну часть, а сами съѣдали остальное. И какъ по преданію старшій убилъ младшаго, слѣд. сильный слабаго, то и они приносили въ жертву обыкновенно беззащитнаго и болѣе слабаго, напр. ребенка, женщину, раба или военноплѣннаго. Людоѣдство у Новозеландцевъ дотого развилось, что они стали воображать, что если съѣдятъ глазъ и

сердце своего врага, то пріобрѣтутъ его силу, его добродѣтели и даже покровительство его боговъ. Слѣдствіемъ этого убѣжденія была страсть къ войнѣ самой истребительной. Главный принципъ жизни у такихъ людей конечно право сильнаго, почему женщинѣ приходилось играть самую незавидную и жалкую роль.

Замѣчательно однакоже то обстоятельство, что у Новозеландцевъ, какъ-бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не погубить совершенно свое племя въ этихъ постоянныхъ войнахъ, сложилась кое-какъ на тѣхъ же религіозныхъ началахъ семейная жизнь. У жителей Таити, наоборотъ, путешественники нашли нравы тихіе, миролюбивые, бытъ съ перваго взгляда чисто патріархальный. Людей хотя тоже иногда приносили въ жертву, потому что общая религія ихъ того требовала, но жертвъ своихъ они не ѣли. Зато вольность нравовъ была у нихъ безгранична. Жизнь общественная дѣйствительно развилась болѣе, чѣмъ у другихъ Полинезійцевъ, особенно Новозеландцевъ; но жизнь семейная и браки потеряли всякій смыслъ въ этомъ племени, ибо здѣсь общественныя сходбища, игры и увеселенія принимали такой характеръ, что потомъ рѣшительно не возможно было никому навѣрное знать, кто чей отецъ, кто чей сынъ или дочь. Къ довершенію безобразія ихъ островъ былъ мѣстомъ собранія цѣлаго общества, у котораго распутство было возведено въ принципъ. И какъ дѣтоубійство было частымъ послѣдствіемъ подобныхъ засѣданій, то общество и тутъ нашлось, какъ заступиться за своихъ членовъ: оно предписало закономъ умерщвлять всякій могущій произойти плодъ отъ членовъ общества. Такимъ образомъ достигалась двойная цѣль: волки были сыты и овцы

цѣлы—члены удовлетворены и матери не отвѣтственны въ дѣтоубійствѣ.

И вотъ, въ то время когда населеніе Новой Зеландіи приходило въ упадокъ отъ развившейся страсти къ убійству, сохраняя семейную жизнь какъ послѣднее свое спасеніе,—жители Таити, съ своими тихими миролюбивыми нравами, съ наклонностью къ общественной жизни, уничтожали возможность нарожденія въ самомъ ея корнѣ, въ самомъ ея источникѣ. При сравненіи нравовъ этихъ двухъ племенъ Ренувье въ своемъ соч. [1]) приходитъ къ слѣдующему заключенію: «нравственная природа допускаетъ двѣ совершенно противоположныя формы паденія. Каждая изъ нихъ есть ниспроверженіе любви и справедливости: одна посредствомъ всеобщей систематической войны, другая — посредствомъ замѣны супружескихъ узъ тѣмъ, что Фурье, по своей наивности, называетъ *унитеизмомъ* и *омнигаміей*».

Сравнивая положеніе женщины у обоихъ племенъ приходишь къ тому заключенію, что конечно у Таитянъ она пользовалась сравнительно большею свободою и равноправіемъ, чѣмъ у Новозеландцевъ; жизнь ея была беззаботная—она почти не знала труда; ее не ревновали, не угнетали. Зато у Новозеландскихъ женщинъ, при всемъ гнетѣ которому онѣ подвергались, замѣчается болѣе чувства своего достоинства, болѣе энергіи, болѣе любви и способности къ труду, меньше нравственной распущенности, могущей довести женщину до уничтоженія въ себѣ всего человѣческаго.

Когда въ 1772 году Маріонъ присталъ къ берегамъ Новой Зеландіи и успѣлъ настолько внушить къ себѣ довѣрія

---

[1]) Renouvier. Introd. à la philos. anal. de l'histoire.

туземцамъ, что они приходили осматривать корабль съ женами и дѣтьми, то первое, на что Новозеландцы постарались обратить вниманіе французскихъ матросовъ— это на различіе прически замужнихъ и незамужнихъ, давая тѣмъ знать, чтобъ они баловали сколько имъ угодно будетъ съ дѣвушками, а къ замужнимъ не прикасались.

Дюмонъ-Дюрвиль говоритъ, что «Новозеландцы чрезвычайно привязаны къ дѣтямъ, къ родителямъ и къ пріятелямъ. Любовь эта изъявляется въ продолженіе жизни доказательствами преданности, а послѣ смерти живѣйшимъ сожалѣніемъ и добровольнымъ самоизуродованіемъ». Новозеландцы обыкновенно говорятъ, что гдѣ нѣтъ крови, нѣтъ и печали. Нарушителей супружеской вѣрности казнятъ: если преступленіе совершено въ жилищѣ мужчины, то казнятъ его, а жену отсылаютъ къ родителямъ или изгоняютъ изъ поколѣнія; если же въ жилищѣ женщины, или въ избранномъ ею мѣстѣ, то казнятъ ее, а соблазнителя выгоняютъ изъ поколѣнія. Когда они умираютъ, то тѣла ихъ вѣшаютъ на крестообразный столбъ. Мужчины женятся между 20-мъ и 24-мъ годомъ своей жизни; дѣвушки выходятъ замужъ гораздо раньше. До замужества онѣ могутъ свободно располагать собою, но и въ этихъ временныхъ связяхъ обязаны соблюдать нѣкоторое приличіе. Разъ вышедши замужъ, женщина утрачиваетъ свою свободу и строго сохраняетъ скромность и вѣрность. Жена покинутая мужемъ становится табу для всякаго мужчины. Полигамія въ большомъ употребленіи; но каждой женѣ мужъ долженъ дать отдѣльную хижину и устроить отдѣльное хозяйство. Та изъ женъ, которая взята изъ болѣе важнаго семейства, считается старше прочихъ и раздѣляетъ съ мужемъ

воздаваемыя ему почести, а дѣти ея наслѣдуютъ отцу. Кто же вступилъ въ неровный бракъ, того выгоняютъ изъ поколѣнія, а дѣти его становятся невольниками. Браки совершаются просто: женихъ приноситъ подарки невѣстѣ и проситъ согласія ея родителей; если они согласны, то онъ тотчасъ же уводитъ возлюбленную къ себѣ, и съ той минуты дѣвушка принадлежитъ ему. Многіе путешественники утверждаютъ, что родители никогда не отдаютъ дочь, не спросивъ предварительно ея согласія. Женщина потерявъ мужа зачастую убиваетъ себя добровольно, что весьма высоко цѣнится у Новозеландцевъ; мужья же этого никогда не дѣлаютъ. Вдова хотя и можетъ выйти опять замужъ, но это сопряжено съ разными затрудненіями и вообще считается безчестіемъ. Во избѣжаніе могущаго произойти скандала, родственники умершаго иногда убиваютъ вдову и предаютъ землѣ или морскимъ волнамъ обоихъ вмѣстѣ. Во время родовъ женщина становится табу, поселяется въ отдѣльномъ жилищѣ и ни съ кѣмъ не сообщается Ей обыкновенно прислуживаютъ тоже табуированныя женщины. Если родится дѣвочка, а по мнѣнію матери въ поколѣніи слишкомъ много прекраснаго пола, то она пальцемъ продавливаетъ верхнюю часть черепа дитяти и такимъ образомъ избавляетъ себя и поколѣніе отъ лишней обузы. Надъ оставшимся въ живыхъ ребенкомъ чрезъ нѣсколько дней совершаютъ обрядъ, похожій на наше крещеніе, причемъ ему даютъ имя. Мальчиковъ воспитываютъ отцы, дѣвочки растутъ подъ надзоромъ матерей. Усыновленіе часто встрѣчается у Новозеландцевъ. Иногда молодые люди избираютъ себѣ отцемъ бездѣтнаго старика и тогда они пользуются всѣми правами новаго родича. Мужчина во время ра-

боты или въ военное время ходитъ почти голый; женщина настолько скромна, что никогда не снимаетъ при людяхъ исподнее платье. Занятіе женщинъ состоитъ въ надзорѣ за плантаціями, въ собираніи раковинъ, въ приготовленіи пеньки изъ форміума (новозеландскаго льна) и въ тканіи изъ нея рогожъ. Женщина допускается къ столу вмѣстѣ съ мужчиною. Бывали примѣры, что она предводительствовала толпами воиновъ.

Новозеландцы, которыхъ религіозныя вѣрованія основаны преимущественно на страхѣ, покланяются только злымъ богамъ, къ благотворительнымъ же прибѣгаютъ рѣдко. Жрецы ихъ, *тогунга*, считаются истолкователями воли боговъ и врачуютъ больныхъ. Но обязанность ихъ при постелѣ больнаго состоитъ болѣе въ соблюденіи всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ табу. За несоблюденіе ихъ лекаря-жреца умерщвляютъ для успокоенія души (*ваидуа*) усопшаго. Новозеландцы вѣрятъ въ существованіе души, которая по смерти ея владѣтеля отдѣляется отъ тѣла, носится три дня надъ трупомъ, пока *атуа* (всемогущій духъ) либо возьметъ ее къ себѣ на небо, либо низвергнетъ въ обитель мрака, смотря по тому славу или позоръ заслуживалъ умершій на полѣ битвы.

ГЛАВА VII.

Нравы Таитянъ (на островахъ Товарищества) представляютъ совершенную противоположность съ нравами Новозеландцевъ. Общественная жизнь, какъ мы замѣтили уже выше, развилась въ ущербъ семейной. Таитянинъ не ревнивъ къ своей женѣ. Дюмонъ-Дюрвиль говоритъ, что они часто сами предлагаютъ своихъ женъ, а также мѣняются ими съ пріятелями. До введенія христіанства на о. Таити существовалъ орденъ *Арреоевъ*, въ который допускались и жители другихъ Полинезійскихъ острововъ. Времяпровожденіе членовъ этого общества представляло собою удовлетвореніе всему, что только можетъ требовать самая развращенная, сластолюбивая и причудливая фантазія [1]). Какъ облако саранчи носились они въ своихъ байдарахъ по архипелагу и гдѣ только ни приставали къ берегу, оставляли послѣ себя слѣды безобразія, насилія и грабежа. Принадлежавшіе къ ордену были изъяты отъ повиновенія

---

[1]) См. также соч. Грановскаго, Москва, 1856. Т. 2-й стр. 454—467 «Океанія и ея жители».

общимъ существовавшимъ обычаямъ, правиламъ и законамъ; они были чтимы народомъ, уважаемы властями. Эти самовластные бродяги составляли цѣлую секту, имѣвшую свои преданія, свою исторію. Основателями секты считали они сыновей бога Таароа и богини Гины. Но въ орденѣ своемъ члены не пользовались равноправіемъ. Ихъ общество было раздѣлено на 7 классовъ и достичь высшаго нельзя было иначе, какъ пройдя по очереди всѣ низшіе. Вступающій въ орденъ долженъ былъ разыгрывать роль изступленнаго, бросаться какъ угорѣлый среди членовъ общества, раздѣлять съ жаромъ и мужествомъ всѣ ихъ религіозно-нечестивыя упражненія, и если онъ твердо выносилъ ихъ до конца, то поступалъ въ кандидаты; и только послѣ продолжительнаго и строгаго испытанія поступалъ въ 7-й классъ общества, причемъ исполнялась слѣдующая церемонія: глава вводилъ вступающаго подъ чужимъ именемъ въ *топиту* (полит. собр. общ.), облаченнаго въ особо приготовленную прозрачную ткань; новичекъ долженъ былъ дать при всѣхъ обѣщаніе погубить своихъ дѣтей. Потомъ торжественною рѣчью, сопровождавшеюся извѣстными тѣлодвиженіями, онъ высказывалъ свое призваніе. Если рѣчь была убѣдительна, а тѣлодвиженія осязательно говорили чувственности, то женщины самыя почетныя приближались къ нему и собственноручно его одѣвали. Съ этого момента онъ считался членомъ секты. Праздная и развратная жизнь этого общества была возмутительна. Цѣлыми шайками разъѣзжали они по островамъ съ истуканами двухъ основателей ордена и приносили имъ въ жертву свиней и свою нравственность. Высадившись гдѣ-нибудь они затѣвали свое *упа-упа*—полурелигіозное, полунечестивое представленіе.

Оно начиналось священнымъ гимномъ; потомъ запѣвало садился посреди кружка, пѣлъ речитативъ, другіе повторяли за нимъ; далѣе начиналась борьба всякаго рода—только не кулачная—и наконецъ пляска á la Rigolboche со всѣми причудами, со всѣми ея сладострастными послѣдствіями. Оргіи эти продолжались обыкновенно всю ночь до утра. Члены этого ордена воображали, что званіе арреоя ниспослано свыше и что таитскій рай принадлежитъ преимущественно ордену.

Таитяне, имѣя множество боговъ, ставили выше другихъ 3-хъ атуа (боговъ): *Тане-те-Матуа*, *Оро—Матуа* и *Таароа*. Жрецы ихъ или мудрецы, *таата—паари*, думали, что міръ существовалъ прежде боговъ и что первый богъ былъ обоготворенный первый человѣкъ послѣ его смерти; и потому свою родословную вели отъ боговъ. Въ жертву имъ приносили обыкновенно свиней и только въ рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ людей; но ихъ не ѣли, какъ это дѣлали Новозеландцы. Эти несчастные, обреченные на жертву, становились табу и нетолько они, но и семья и округъ ихъ. Жрецы, старшины, хранители гробницъ замѣчательныхъ людей—всѣ были табу. Таити—это столица табу. Нигдѣ оно не было соблюдаемо такъ строго, какъ у Таитянъ. Туземца на каждомъ шагу, въ продолженіе всей его жизни, окружали предметы непозволенные. На долю женщины, при всей ея кажущейся свободѣ, приходилось вдвое большее количество запрещенныхъ предметовъ. Огонь, на которомъ приготовлялась пища мужу, былъ табу для нея; одежда и предметы его домашняго обихода были также для нея табу. Вообще въ семейной жизни, которая была очень не развита, почти все было для нея табу. Ясно, что она предпочитала жизнь

внѣ дома, гдѣ пользовалась большею свободою и большими правами. Лучшимъ доказательствомъ того уничиженія и презрѣнія, которыя испытывала женщина въ своей семьѣ, служитъ то обстоятельство, что Таитянки очень охотно обращались въ христіанство, которое стояло за семью и права женщинъ, хотя и строго запрещало тѣ общественныя удовольствія и наслажденія, которыя онѣ такъ любили и которыми онѣ такъ сладострастно упивались. Пѣсни и пляски любили онѣ до безумія и участвовали въ нихъ вмѣстѣ съ мужчинами. Всѣ общественныя игры женщина раздѣляла наравнѣ съ мужчиною. Дюмонъ-Дюрвиль свидѣтельствуетъ, что даже «королева *Тере-мое-мое*, въ одеждѣ бойца, не разъ оспаривала пальму силы и ловкости у молодыхъ вождей своего двора». Съ поселеніемъ англійскихъ миссіонеровъ на островахъ все преобразилось: нравы сдѣлались повидимому чище, потому что строго взыскиваютъ съ нарушителей порядка; но втихомолку Таитяне предаются попрежнему безобразію. Изъ веселыхъ, открытыхъ, прямодушныхъ они сдѣлались хитрыми, недовѣрчивыми, угрюмыми. Порода измѣнилась къ худшему, ибо китоловныя суда завезли къ нимъ сифилисъ, отъ котораго погибаютъ цѣлыя поколѣнія. Народъ обѣднѣлъ. Англійскіе миссіонеры захватили въ руки всю торговлю и администрацію. Уже Дюмонъ-Дюрвиль не засталъ въ Таити прежнихъ его жителей, съ первобытными нравами, которыхъ видѣли Кукъ и Бугенвиль. Теперь же нельзя и узнать прежній Таити. Г. Вышеславцевъ [1]), посѣтившій его въ 1860 году,

---

[1]) Вышеславцевъ. Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія въ 1857, 1858, 1859 и 1860 годахъ. С.Пб. 1862. 1 т. въ 8-ю д. л.

съ ожесточеніемъ отзывается объ этихъ англійскихъ просвѣтителяхъ туземцевъ. Судя по его словамъ они имѣютъ свои лавки, модные магазины, куда ходятъ Таитянки покупать себѣ шляпки и платья на послѣдніе свои шиллинги, дабы въ приличномъ видѣ явиться въ воскресенье въ церковь. Вообще европейская цивилизація коснулась этихъ островитянъ только своею темною стороною; она отняла у нихъ многое, давъ имъ въ замѣнъ очень мало хорошаго.

ГЛАВА VIII.

На островахъ Тонга (Дружбы) общественныя отношенія болѣе благородны; соблазна и публичнаго разврата, какъ въ Таити, нѣтъ, и въ семейной жизни нѣтъ того гнета и уничиженія; къ тому же табу Тонгайцевъ не такъ чудовищно строгъ. Вообще жизнь семейная и общественная одинаково развилась и потому Тонгайцы болѣе способны воспринять европейскую цивилизацію. Но сословныя, кастовыя различія, которыхъ здѣсь очень много, не позволяютъ туземцамъ отрѣшиться отъ многихъ предразсудковъ, почему встрѣчаются довольно странныя противорѣчія на каждомъ шагу. Главныхъ классовъ пять. Къ 1-му принадлежитъ *Туи-Тонга*—болѣе духовный, чѣмъ свѣтскій глава, и его наслѣдственная фамилія *Фата—фаи*, изъ которой и выбирается глава по старшинству. Ко 2-му принадлежатъ *Эгуи* (сословіе благородныхъ). Замѣчательно, что только женщины могутъ передавать званіе эгуя своимъ дѣтямъ. Если мать не благородная, то и дѣти таковы же; и ни богатство, ни счастіе, ни заслуги не могутъ сдѣлать эгуемъ человѣка, рожденнаго не отъ благородной матери. 3-й классъ *Мата—булеи*, который за-

нимается воспитаніемъ маленькихъ эгуевъ и управленіемъ ихъ землями; это ихъ опекуны и совѣтники. 4-й классъ составляютъ *Муи*—родственники матабулеевъ, которымъ предоставлены свободныя искусства, какъ напр. архитектура, строеніе байдаръ (лодокъ), приготовленіе неводовъ и обдѣлываніе китовыхъ усовъ. Наконецъ къ 5-му классу принадлежатъ *Туи*, занимающіеся другими, низшими ремеслами. Они подраздѣляются на категоріи, смотря по доходности ихъ ремесла. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ повара и земледѣльцы. Собственно же рабовъ или невольниковъ нѣтъ. Военноплѣнныхъ убиваютъ, продаютъ или вымѣниваютъ. Рабство Тонгайцы не уважаютъ, но чинопочитаніе, или правильнѣе кастопочитаніе, въ большомъ ходу. Жена можетъ сидѣть и ѣсть въ присутствіи мужчины, но человѣку низшаго класса запрещено ѣсть или пить въ присутствіи высшаго. При Туи-тонгѣ никто не смѣетъ сидѣть.

Дѣвушка, если она еще не обручена, можетъ свободно отдаваться первому встрѣчному, кому пожелаетъ. Нареченныя же обязаны быть вѣрными своимъ суженымъ, какъ жены мужьямъ. Супружеская невѣрность рѣдко встрѣчается; въ случаѣ же прелюбодѣянія законъ предаетъ обоихъ виновныхъ оскорбленному супругу. Тотъ можетъ убить ихъ; но обыкновенно онъ прогоняетъ жену и тогда она становится опять свободною. Но несмотря на подобную снисходительность супруговъ, часто встрѣчаемую у Тонгайцевъ, европейскіе путешественники замѣтили, что нравственность вообще довольно чиста и даже женщинамъ самаго вольнаго поведенія не чужда до нѣкоторой степени скромность. Эгуи могутъ имѣть женъ сколько имъ угодно; послѣднія за-

нимаютъ мѣста по рожденію. Свадебная церемонія весьма проста: женихъ приходитъ за невѣстой въ домъ ея родителей, приглашаетъ всѣхъ друзей дома, равно и своихъ, на брачный пиръ и угощаетъ ихъ. Когда всѣ приглашенные угостятся порядкомъ, то отправляются во-свояси, а новобрачная остается у своего возлюбленнаго, котораго и считаетъ съ этого дня своимъ мужемъ. Положеніе верховнаго главы Туи-Тонги столь высоко, что ни одна женщина не можетъ удостоиться быть его женою. Онъ собираетъ обыкновенно въ свой гаремъ дочерей самыхъ знатныхъ эгуевъ, которые почитаютъ подобный выборъ за особенное счастіе, потому что наслѣдникомъ долженъ быть сынъ той наложницы, которая старше родомъ, слѣд. всегда есть надежда попасть въ кровное родство съ будущимъ главою Тонги. Даже нѣкоторыя женщины изъ фамиліи Фатафаи не могли себѣ избрать супруга. Имъ дозволялось имѣть нѣсколькихъ любовниковъ и мѣнять ихъ по своему благоусмотрѣнію, и эти послѣдніе не могли имѣть претензію ни на какія права.

По той причинѣ, что одно только рожденіе давало у Тонгайцевъ благородство, женщина выходя замужъ не теряла ни своего значенія, ни своихъ семейныхъ правъ. Если супруги неравныхъ состояній садились за столъ, то низшій изъ нихъ долженъ былъ подчиниться обычаю *моэ-моэ* въ отношеніи къ старшему, иначе онъ погрѣшалъ противъ табу. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что низшій падалъ распростершись на землю передъ высшимъ, схватывалъ его ногу, и поставя ее себѣ на затылокъ, держалъ ее въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. Женщины зачастую изъ политическихъ видовъ усыновляютъ чужихъ дѣтей; тогда послѣдніе на-

слѣдуютъ званіе матерей и имъ оказываются тѣ же почести. Мальчики до возмужалости ходятъ обыкновенно голые, а дѣвочекъ съизмала одѣваютъ. Женщины закрываютъ даже грудь, между тѣмъ какъ верхняя часть туловища мужчины всегда открыта. Тонгайки чрезвычайно чистоплотны; любятъ ходить въ баню и втирать въ тѣло кокосовое масло, вслѣдствіе чего кожа ихъ мягка и эластична. Вообще женщины здѣсь встрѣчаются замѣчательно красивыя, напоминающія женщинъ южной Европы.

Въ религіи Тонгайцевъ преобладаетъ болѣе эмблематическій элементъ. Ихъ божества отвлеченныя и довольно неопредѣленнаго свойства. Ихъ *Готуасъ* есть нѣчто въ родѣ таитскаго атуа, но понятіе о немъ болѣе темное, туманное. Вѣрные своему іерархическому принципу Тонгайцы и боговъ своихъ расположили въ іерархическомъ порядкѣ. Кромѣ того у нихъ существуютъ особые сословные готуасы. Однимъ изъ главныхъ боговъ, по словамъ Кука, считается *Кала-футонга*, творецъ большей части предметовъ и богъ женскаго пола, чрезвычайно страшный въ своемъ гнѣвѣ. Для женщины табу снисходительнѣе, но онъ имѣетъ здѣсь свой особый сословный характеръ. Такъ, если прикоснется кто-либо къ особѣ высшаго класса, то дѣлается чрезъ это табу и не смѣетъ употреблять въ дѣло свои руки. Чтобъ освободиться отъ этого запрета, ему необходимо учинить очистительное моэ-моэ и умыть ноги старшему. Есть также и другой очистительный обрядъ, менѣе цѣнимый— это *фату*, состоящій въ томъ, что виновный бросается на колѣни и съ благоговѣніемъ прижимаетъ ногу старшаго къ своему животу. Вообще при такой іерархической строгости очень трудно убречься, чтобъ не

*

подпасть подъ табу. Людоѣдства и приношеній человѣческихъ жертвъ въ Тонгѣ не водится, но на этихъ островахъ существуетъ одинъ отвратительный обычай назыв. *науджіо* и состоящій въ томъ, что зарѣзываютъ дитя для испрошенія у боговъ выздоровленія Туи Тонги. Въ давнопрошедшія времена со смертію каждаго Туи-Тонги закалывали и его первую наложницу— мать его наслѣдника и хоронили вмѣстѣ ихъ тѣла; но это науджіо отмѣнено было однимъ изъ сострадательныхъ владыкъ. Похороны Туи-Тонги совершаются съ большимъ торжествомъ: трауръ налагается на 14 мѣсяцевъ, за всякую малость налагается табу, цѣлый мѣсяцъ запрещается брить бороду и цѣлый день никто не смѣетъ натирать масломъ свое тѣло. У гробницы, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, дежурятъ день и ночь траурныя женщины, отлучаясь лишь въ сосѣднія хижины чтобъ поѣсть. Въ день погребенія и слѣдующія двѣ недѣли жены и дочери высшихъ сановниковъ должны исполнять нѣкоторые причудливые обряды, которыхъ описаніе мы опускаемъ по причинѣ ихъ сальности, но которыхъ назначеніе—выказать смиреніе этихъ сановницъ предъ прахомъ духовнаго жреца Туи-Тонги.

ГЛАВА IX.

Нука-Гивіяне (на островахъ Маркизскихъ), при всей своей природной добротѣ и прямотѣ, храбры въ военное время и никакъ не могутъ лишить себя удовольствія съѣдать своихъ военноплѣнныхъ, какъ и Новозеландцы. Удивительно, что людоѣдство имѣетъ мѣсто у этого племени, которое по свидѣтельству многихъ путешественниковъ великодушно, честно, ласково, остроумно и понятливо. Отъ сближенія съ Европейцами, по словамъ Дюмонъ-Дюрвиля, Нука-Гивіяне утратили старинныя свои добродѣтели и ничего не получили въ замѣнъ ихъ. Они сдѣлались хитрыми, недовѣрчивыми и не поддаются легко христіанскимъ миссіонерамъ. Табу у нихъ въ полной силѣ и относится преимущественно къ яствамъ и плодамъ. Табуированныя же лица раздѣляются на 4 класса: *атуаи* (боги), *тагуаи* (пророки), *тагуи* (жрецы) и *угуи* (хранители храмовъ). Боги Нука-Гивіянъ—болѣе отвлеченныя существа, олицетворенныя въ ихъ идолахъ, хранящихся въ *мараяхъ* (храмахъ). Вожди послѣ смерти считаются атуаями. Случается и то, что еще при жизни какого-нибудь очень

замѣчательнаго лица его причисляютъ къ атуаямъ; тогда онъ обыкновенно живетъ въ уединеніи, ему всѣ поклоняются и приносятъ человѣческія жертвы. Тагуаи свѣдущи въ колдовствѣ; имѣютъ сообщеніе съ богами и передаютъ ихъ волю; предрекаютъ смертъ врагамъ; требуютъ человѣческихъ жертвъ и занимаются врачеваніемъ, или правильнѣе заговариваніемъ. По смерти своей поступаютъ въ атуаи. Женщины могутъ сдѣлаться тагуаями, но съ нѣкоторыми ограниченіями и въ гораздо меньшемъ числѣ противъ мужчинъ. Тагуи составляютъ очень многочисленный классъ. Они исправляютъ службу въ мараяхъ и совершаютъ жертвоприношенія, перевязываютъ раны и дѣлаютъ хирургическія операціи. Наконецъ угуи, составляющіе послѣдній классъ табуированныхъ лицъ, не болѣе какъ прислужники жрецовъ и хранители мараевъ. Нигдѣ не исполняется табу такъ свято, какъ въ Нука-Гивѣ. Жены не могутъ ѣсть и жить подъ одной кровлей съ мужемъ, если онъ табу. Если женщина забудется и ступитъ, сядетъ или дотронется до предмета, сдѣлавшагося табу вслѣдствіе прикосновенія табуированнаго человѣка, то предметъ долженъ быть сожженъ или изъятъ изъ употребленія, а преступницу наказываютъ смертію. Если мужчина-табу дотронется до постели, на которой спятъ, то постель эта не можетъ уже служить на будущее время, а развѣ можетъ быть употреблена на одежду или парусъ. Всякій провинившійся противъ табу дѣлается *кикино*. Рано или поздно всякій кикино долженъ быть принесенъ въ жертву и съѣденъ. А какъ для женщины болѣе предметовъ табу, то слѣд. и болѣе шансовъ попасть на столъ въ видѣ вкуснаго блюда. Хотя никто изъ путешественниковъ

самъ не видалъ подобной трапезы, но Крузенштернъ, со словъ двухъ бѣглыхъ моряковъ, свидѣтельствуетъ, что человѣчье мясо подаютъ зачастую на столъ и всегда жаренное.

Какъ и Тонгайки, Нука-Гивскія женщины любятъ чистоплотность. Многія намазываются какою-то растительною жидкостью, укутываются въ тряпье и не выходятъ на солнце. Когда же предстоитъ торжество, то онѣ отправляются сперва въ потокъ, смываютъ съ себя эту зеленоватую массу и натираютъ кожу и волосы сандальнымъ масломъ. Потомъ разодѣтыя, благоуханныя являются на торжество и имѣютъ очаровательный видъ. Очень многіе ставятъ Нука-Гивіянокъ на первое мѣсто въ Полинезіи по красотѣ. Цвѣтъ кожи доходитъ отъ бронзоваго почти до бѣлаго. Крузенштернъ находитъ ихъ весьма милыми кокетками, хотя и распутными, но умѣющими нравиться. Дѣвушки совершенно свободны и могутъ имѣть какія угодно связи. Въ 18 лѣтъ, вдоволь нагулявшись и насладившись вполнѣ жизнію, онѣ вступаютъ въ болѣе прочный союзъ, но и въ немъ, т. е. въ бракѣ, не считаютъ нужнымъ отличаться излишней строгостью. У нихъ есть даже такой обычай: когда вождь отправляется изъ дому, то оставляетъ при женѣ дежурнаго пріятеля, который долженъ въ его отсутствіе исполнять всѣ его супружескія обязанности. Этихъ дежурныхъ друзей называютъ поддерживателями царскаго огня. Вообще у нука-гивскихъ обитателей замѣчаются странныя противоположныя качества: безстыдное распутство въ семействахъ и рядомъ съ нимъ примѣрная привязанность матерей къ дѣтямъ и даже женъ къ своимъ мужьямъ. Тутъ поневолѣ вспомнишь слова Гейне по

поводу шекспировской «Клеопатры»: «Ошибочно думаютъ, говоритъ нѣмецкій поэтъ, что женщины измѣняя перестаютъ любить. Онѣ слѣдуютъ только своей врожденной природѣ; и если даже не хотятъ опорожнить запрещенную чашу, то нерѣдко желали бы немножко попробовать ее, лизнуть хоть по краямъ, чтобы по крайней мѣрѣ отвѣдать, какой вкусъ имѣетъ ядъ» [1]. Эта особенность въ нравахъ Нука-Гивіанъ служитъ лишь доказательствомъ, что бракъ у нихъ чисто гражданская ассоціація двухъ индивидуумовъ разнаго пола для взаимнаго другъ другу вспомоществованія. Лишь у старшинъ и вождей бракъ имѣетъ нѣкоторую важность, потому что если вождь женится на дочери вождя сосѣдняго поколѣнія, то граница между владѣніями обоихъ становится табу и миръ не можетъ быть нарушенъ иначе, какъ если вождь отошлетъ свою жену назадъ, чрезъ что табу считается снятымъ и война можетъ разгорѣться.

---

[1] Гейне. Собр. Соч. С.-Пб. 1866 г. томъ III. стр. 165.

ГЛАВА X.

Гавайцы или жители Сандвичевыхъ острововъ отъ природы кротки, обходительны и гостепріимны; только месть и ненависть дѣлали ихъ жестокими. На женщинъ они мало обращали вниманія, но обходились съ ними относительно кротко. Къ дѣтямъ своимъ были нѣжны, но эта нѣжность не мѣшала имъ убивать младенцевъ своихъ, особенно дѣвочекъ, когда новый членъ становился бременемъ для семьи. Вотъ одна изъ причинъ, почему искони вѣковъ число мужчинъ на Сандвичевыхъ островахъ значительно превышаетъ число женщинъ. Глава Гавайцевъ—наслѣдственный король. Бывали примѣры, что главой была и женщина. Хотя сословная іерархія и существовала въ Гаваѣ, но она не была такъ строга какъ у Тонгайцевъ. Король могъ за проступки лишить дворянскаго достоинства и на оборотъ пожаловать его человѣку и низшаго званія. У Гавайцевъ существовало собственно 3 класса: 1) *Аріи*—сюда относились: король, старшины, правители отдѣльныхъ острововъ и округовъ. Король носилъ титулъ *арія-табу*. 2) *Рана-кира*—низшіе старшины, воины, жрецы и землевладѣльцы и 3) *Канакое* — низ-

шее сословіе, занимавшееся ремеслами или нанимавшееся въ работники къ рана-кирамъ. Аріи имѣли всегда большія преимущества и привиллегіи; могли безапелляціонно производить судъ и расправу. Имѣвшему связь съ женою арія выкалывали глаза, а съ женой обиженный супругъ могъ дѣлать что ему было угодно, хотя бы и казнить. Людоѣдства Гавайцы никогда не знали. Въ жертву богамъ обыкновенно приносили свиней и куръ, и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ людей, и то выбирали своихъ жертвъ изъ преступниковъ или военноплѣнныхъ. Жены послѣднихъ поступали въ работницы къ побѣдителямъ. Аріи въ мирное время рѣшительно ничего не дѣлали, проводили дни въ ѣдѣ, питьѣ, снѣ, пляскѣ и въ лежаніи на брюхѣ (любимое положеніе всѣхъ Гавайцевъ и Гавайянокъ). Оттого-то они отличались непомѣрною тучностію. Понятіе о красотѣ соединено у туземцевъ съ понятіемъ о тучности. Араго разсказываетъ, что посѣтивши гаремъ только-что умершаго короля Тамеа-меа, онъ нашелъ въ немъ пять-шесть огромныхъ мясныхъ массъ, лежавшихъ на брюхѣ и походившихъ на морскихъ слоновъ. То были бѣдныя, вдовствующія принцессы, оплакивавшія своего общаго супруга.

Браки между родственниками встрѣчались часто. У короля Ко-ине-ули любимѣйшая изъ женъ была его родная сестра. Полигамія была въ большомъ ходу. Брачный обрядъ состоялъ въ томъ, что при свидѣтеляхъ и родственникахъ желающій жениться бросалъ на свою возлюбленную кусокъ ткани; тогда родные ея задавали пиръ и молодые убирались на новое хозяйство. Тѣ же изъ Гавайцевъ, которые уже имѣли женъ, не исполняли даже и этого обычая, а по-

просту уводили къ себѣ любимую дѣвушку, та поселялась на новомъ хозяйствѣ и съ этой минуты считалась уже женою. Гаваянки обвиваютъ свое тѣло нѣсколько разъ сложенною тканью, оставляя обыкновенно хоть одну грудь открытою. Волосы иногда стригутъ и взбиваютъ ихъ спереди; когда же носятъ ихъ длинными, то красятъ спереди у корней бѣлою краскою. Фабрикацiею тонкихъ тканей, также плетенiемъ корзинъ, вѣеровъ, плетенокъ и мантiй самой изящной работы занимаются женщины. Онѣ очень сильны и ловки (конечно за исключенiемъ красавицъ гаремовъ), хотя не такъ красивы. Съизмала ихъ прiучаютъ плавать и заниматься гимнастическими упражненiями. Въ Гаваѣ нерѣдко женщины-бойцы выходили на кулачный бой.

У Гавайцевъ не было главнаго бога; они вѣровали въ добрыхъ и злыхъ духовъ, которымъ приписывали власть награждать и наказывать всѣхъ смертныхъ. Духи эти обитали или въ идолахъ или въ тѣлахъ нѣкоторыхъ животныхъ, а иногда и человѣка. Поэтому души царей, вождей и нѣкоторыхъ жрецовъ почитались наравнѣ съ богами. Кука, какъ это мы уже замѣтили выше, приняли также за божество; но это однакоже не помѣшало тѣмъ же Гавайцамъ выйти изъ себя и убить свое божество. Какъ извѣстно, Кукъ погибъ на Сандвичевыхъ островахъ, за то что принялъ слишкомъ крутыя мѣры по поводу покражи его шлюбки. Изъ животнаго царства акула особенно была обоготворяема. Каждое новолунiе привѣтствовали мѣсяцъ празднествами, продолжавшимися два дня и три ночи. Женщина въ это время была табу; съ нею не смѣли пирующiе даже разговаривать подъ опасенiемъ смертной казни. Жрецы особенно любили праздникъ новаго года, считав-

шійся самымъ большимъ. Въ этотъ день одинъ изъ нихъ ходилъ по острову съ кумиромъ въ правой рукѣ; все что онъ могъ захватить лѣвою, принадлежало ему законнымъ образомъ. Жрецы занимались также врачеваніемъ и волшебствомъ.

Табу, какъ и у другихъ Полинезійцевъ, былъ у Гавайцевъ въ большой силѣ. Кромѣ постояннаго табу бывали и временные; кромѣ общаго и частные. При царѣ Уми былъ наложенъ 30-лѣтній табу на бороды: никто не смѣлъ ни брить, ни подстригать ихъ. Срокъ, на который налагался временный табу, въ послѣдующія царствованія все уменьшался: сперва на 5 лѣтъ, потомъ на 40 дней. Тамеа-меа ограничилъ табу 5-ю днями. Животныя и другіе посвященные богамъ предметы были табу для женщины. Вообще ея пища была обложена постояннымъ табу: она не могла ничего ѣсть съ блюда своего отца, ни даже кушанья, приготовленнаго на его огнѣ; нѣкоторыя яства были для нея табу навсегда. Жены не могли ѣсть вмѣстѣ съ мужьями, но могли ѣсть подъ одной съ ними крышей. Какъ только ребенка отнимали отъ груди, его кормили со стола отца. Мать не смѣла даже отвѣдать кушанье своего сына. Нарушеніе табу наказывалось смертію. Понятно что женщины, къ которымъ табу былъ несоразмѣрно строже чѣмъ къ мужчинамъ, попадались чаще въ жертву богамъ.

ГЛАВА XI.

Е. Женщина Американскихъ Индѣйцевъ.

Намъ остается еще прослѣдить религіозныя вѣрованія и положеніе женщины у первобытныхъ обитателей Америки, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Индѣйцевъ или краснокожихъ. Но не всѣ туземцы, которыхъ нашли Европейцы на материкѣ Новаго Свѣта, отличаются мѣднокраснымъ цвѣтомъ кожи. Племена населяющія Южную Америку имѣютъ скорѣе желтый и даже смуглый цвѣтъ кожи съ оливковымъ оттѣнкомъ, а нѣкоторыя прибрежныя племена, какъ напр. Калифорнскіе Индѣйцы, цвѣтомъ кожи походятъ болѣе на Негритоссовъ Меланезійскихъ острововъ. При всемъ томъ надобно предполагать, что всѣ туземныя племена принадлежатъ къ одной первобытной расѣ, получившей въ разныхъ мѣстахъ Америки не равное развитіе, вслѣдствіе мѣстныхъ, климатическихъ причинъ и другихъ влiявшихъ на нее обстоятельствъ. Но, какъ каждое племя и даже поколѣніе входило въ сношеніе съ сосѣдними племенами лишь для того, чтобы грабить и

убивать, то оно и не могло себѣ усвоить идеи и привычки другихъ племенъ, а развивалось особо, самостоятельно. Вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ сотни различныхъ племенъ и поколѣній, сгруппированныхъ на одномъ какомъ-нибудь небольшомъ пространствѣ, говорящихъ различными нарѣчіями и отличающихся неравнымъ развитіемъ своихъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ. Такъ, что между Американскими Индѣйцами мы можемъ найти племена, соотвѣтствующія, по своему развитію, всѣмъ фетишистскимъ племенамъ населяющимъ Африку и Океанію, а въ образѣ ихъ жизни можемъ замѣтить много общаго съ бытомъ всѣхъ другихъ первобытныхъ племенъ. Поэтому всѣ туземныя племена Америки удобно сгруппировать въ 3 отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая будетъ представлять собою какой-либо моментъ развитія индѣйской расы. Къ первой группѣ мы отнесемъ племена въ родѣ Пешерессовъ или, какъ ихъ называетъ Дарвинъ, [1]) Огнеземлянъ, обитающихъ на южномъ концѣ Южной Америки и по своему развитію стоящихъ не выше африканскихъ Бошисмановъ или Бушменовъ. Принадлежащія къ этой группѣ племена не имѣютъ никакихъ религіозныхъ вѣрованій, а слѣд. не имѣютъ ни храмовъ, ни фетишей; живутъ чисто жизнью животныхъ, и нравами своими очень мало отличаются отъ послѣднихъ. Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ племена, умственное развитіе которыхъ способствовало утонченному развращенію нравовъ. Отличительная черта ха-

---

[1]) Дарвинъ (Чарльзъ). Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». С.Пб. 1864. 2 т. in 12.

рактера этихъ племенъ—сильно развитая чувственность. Ихъ религія—грубый фетишизмъ. Наконецъ къ 3-й группѣ отнесемъ племена, которыя систематизировали варварство своихъ нравовъ, стараясь пріискать имъ принципъ въ религіи. Характеристическая черта ихъ—строгость въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ и условная нравственность. Религія ихъ — обожаніе свѣтилъ небесныхъ и нѣкоторыхъ животныхъ, какъ боговъ второстепенныхъ, потому что главнымъ богомъ считаютъ они невидимаго творца всей вселенной, но не обращаются къ нему съ молитвами по причинѣ его равнодушія къ дѣламъ человѣческимъ. У нихъ существуютъ храмы и идолы, существуетъ богослуженіе и миѳическія преданія. Нѣкоторые изъ этихъ племенъ были настолько развиты, что образовали даже совершенно самостоятельныя государства, какъ напр. Мексику и Перу. Преданія свои и сказанія о подвигахъ замѣчательныхъ людей передавали потомкамъ посредствомъ іероглифовъ или правильнѣе посредствомъ рисованныхъ изображеній, которыя хранились въ священныхъ домахъ у жрецовъ и объяснялись ими народу. Не имѣя никакого понятія о письмѣ, Индѣйцы сочли письменную передачу извѣстій первыми Европейцами за колдовство. Въ этомъ фактѣ выказалась конечно нѣкоторая доля невѣжества туземцевъ; но какъ назвать поступки тѣхъ испанскихъ выселъцевъ, которые заботясь болѣе объ упроченіи своего благосостоянія и желая изъ политическихъ и религіозныхъ цѣлей, ввести христіанство силою оружія, прибѣгали къ варварскимъ мѣрамъ, предавая огню и истребленію храмы съ ихъ иконами и священныя жилища жрецовъ съ ихъ памятниками старины? Европейскіе цивилизаторы, не

зная ни языка, ни преданій туземцевъ, силою оторвали ихъ отъ прошедшаго и желая имъ привить одно лишь свое, напускное, навязали имъ то, чего они совсѣмъ не понимали и тѣмъ ввергли несчастныхъ въ совершенное невѣжество, въ которомъ съ ними и сами отчасти погрязли.

Дарвинъ, изслѣдовавъ почти всю южную Америку, замѣтилъ между прочимъ, что нетолько испанскіе землевладѣльцы, но и административныя власти, какъ напр. губернаторы и другіе чины въ Чили, въ Буэносъ-Айресѣ и другихъ испанскихъ владѣніяхъ, дотого погрязли въ невѣжествѣ и лѣни, что не имѣютъ даже самаго элементарнаго образованія, не знаютъ напр., что земля кругла и движется вокругъ солнца и пр.

Менѣе развитыя племена, какъ напр. Пешерессы, увѣрены лишь въ одномъ, что стихіи часто мстятъ людямъ за ихъ злыя дѣла—въ этомъ убѣжденіи заключается весь кодексъ ихъ нравственной жизни.

Юракары, говоритъ Вайтцъ [1]), обитающіе лѣсныя и гористыя части Боливіи, утверждаютъ, что все существующее произошло само изъ себя, и вѣрятъ лишь въ злыхъ духовъ, могущихъ вредить человѣку, почему находятъ нужнымъ ихъ когда задабривать, а когда и припугнуть. Тоже самое дѣлаютъ и Арауканцы.

Большинство же американскихъ племенъ вѣрятъ, что «Великій духъ» есть творецъ вселенной и управляетъ ею; но какъ до него и высоко и далеко, къ тому

---

[1]) Waitz (Dr Th.). Antropologie der Naturvölker. Leipzig, 1659—1864. 4 Bände, in 8.

Его же. Die Indianer Nordamerika's. Eine Studie von Th. Waitz. Leipzig, 1865. in 8.

же онъ не вмѣшивается никогда въ людскія дѣла, то Индѣецъ, когда ему угрожаетъ опасность или когда онъ теряетъ надежду, скорѣе обращается къ посреднику или ко второстепенному божеству, котораго онъ можетъ легче и осязательнѣе постичь. Вся природа для него полна таинственности; всякое явленіе ея способно имѣть вліяніе на его судьбу; всякое существо, на него непохожее, можетъ имъ руководить, почему и богъ ему покровительствующій принимаетъ видъ либо стихіи, либо звѣря, либо птицы.

Многія племена вѣрятъ въ злыхъ и добрыхъ духовъ, иныя въ сновидѣнія. У Патагонцевъ *Гуаяра кунни* есть глава добрыхъ духовъ; онъ живетъ подъ землею и принимаетъ души умершихъ. *Ванишу*—глава злыхъ духовъ. Въ метеорахъ Индѣйцы видятъ души человѣческія, парящія надъ землею. Звѣзды считаютъ за древнихъ умершихъ Индѣйцевъ, а млечный путь за поле, по которому тѣ гоняютъ страусовъ. У нѣкоторыхъ Атапасскихъ племенъ есть убѣжденіе, что въ человѣкѣ кромѣ тѣла есть нѣчто невещественное, отдѣляющееся отъ него по смерти и уносящееся вдаль. Иныя воображаютъ, что подъ каждой артеріей находится душа, и когда человѣкъ умираетъ, то геній уноситъ ту душу, которая способствовала сердцебіенію. Другія племена, имѣя туманное понятіе о будущей жизни, зарываютъ съ усопшимъ въ землю все, что только можетъ, по ихъ мнѣнію, ему пригодиться на томъ свѣтѣ. У болѣе развитыхъ Индѣйцевъ существуютъ храмы, въ которыхъ совершаютъ богослуженія. Послѣднія, по большей, части состоятъ въ пляскѣ, въ пѣніи и въ разныхъ странныхъ обрядахъ съ переодѣваніями и перемѣнами декорацій. Религіозныя празднества ихъ про-

должаются иногда два, три дня, иногда же нѣсколько недѣль и сопровождаются самоистязаніями. Изъ танцевъ ихъ замѣчательна пляска женщинъ по случаю побѣды, съ черепомъ убитаго непріятеля въ рукахъ, пляска въ честь солнца, и наконецъ чудовищная собачья пляска у Сіузскаго племени. Суевѣріе страшно было развито, чѣмъ жрецы конечно пользовались какъ нельзя лучше для своихъ выгодъ.

Перуанскія племена имѣли два главнѣйшихъ храма: одинъ *Куцко* въ честь солнца—семейнаго бога Инки [1]); другой *Нахакамакъ* въ честь создателя вселенной. При каждомъ храмѣ были священные дома, нѣчто въ родѣ монастырей. Изъ преданій замѣчательно одно о потопѣ. Эмблемой зла считался мѣсяцъ. Инки по смерти почитались богами; впрочемъ Перуанцы приняли и живыхъ Испанцевъ за боговъ. Живымъ богамъ приносили въ жертву шика, маисъ, овощи, цвѣты и животныхъ. Человѣческія жервы хотя и приносились, какъ утверждаетъ Прескоттъ [2]), но въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Другіе же отвергаютъ употребленіе въ Перу человѣческихъ жертвъ. Исповѣданіе у жрецовъ было строго соблюдаемо.

Мексиканскія племена были убѣждены, что человѣкъ родится чистъ какъ золото и алмазъ; но злоупотребляя своей свободой, онъ оскверняетъ себя. Почему покаяніе необходимо. Жертвоприношенія ихъ состояли въ кровопусканіи, въ благотворительности относительно бѣдныхъ и больныхъ, въ рѣдкихъ же случаяхъ приносили въ

---

[1]) Наслѣдственная царская фамилія.

[2]) Prescott (W. H.). Histoire de la conquête du Perou. Paris, 1861. T. I. in 8°.

жертву раба. Законъ строго наблюдалъ, чтобы только разъ въ жизни каждый исповѣдывалъ свои грѣхи жрецу. Грѣхи, сдѣланные послѣ исповѣди, оставались неотпущенными и человѣкъ долженъ былъ съ ними умирать, почему всѣ старались исповѣдываться какъ можно позже— въ преклонные года. Мицтеки обыкновенно исповѣдывались во время тяжкой болѣзни.

Тецкатлипока—вездѣсущій богъ и владыка вселенной; ему подчинены всѣ другіе боги. Политеизмъ Ацтековъ былъ введенъ позже; сперва же у Толтековъ существовалъ одинъ главный богъ, изображаемый въ видѣ солнца. Каждое утро привѣтствовали его въ храмахъ. Солнцу были подчинены 4 второстепенные бога: богъ огня, воды, воздуха и земли. У Тотонаковъ главнымъ богомъ была земля. Всѣ боги раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ. Идолы имъ ставились на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ, также у домовой двери и у постели. При храмахъ воспитывались дѣвушки, которыя проводили жизнь въ постѣ, трудѣ и цѣломудріи. У Тотонаковъ, Мицтековъ, Мехоакановъ и въ Мехико приносились въ торжественныхъ случаяхъ въ жертву женщины и рабы. Жрецамъ приписывали способность волшебства. Мексиканцы имѣли свой рай и адъ, куда по смерти улетали души добрыхъ и злыхъ. Но Отоміессы не отдѣляли души отъ тѣла. Умершаго облачали въ одежду того бога, который ему покровительствовалъ. Похороны исполнялись съ большимъ торжествомъ. Почти всѣ мексиканскія племена имѣютъ много сходства въ языкѣ и образѣ жизни съ Ацтеками, которые, какъ преданіе гласитъ, наводнили всю среднюю Америку во время великаго переселенія племенъ. О потопѣ имѣютъ преданіе, какъ и перуанскія племена.

*

Послѣ всего того, что мы сказали о религіозныхъ вѣрованіяхъ Американскихъ Индѣйцевъ, не трудно себѣ представить картину ихъ нравовъ и понять, какое могла имѣть у нихъ значеніе женщина—это слабое отъ природы существо, ни на что болѣе негодное, какъ развѣ для потѣхи мужчинѣ и для самыхъ постыдныхъ занятій по хозяйству!

Такъ Пешерессы, самое неразвитое и дикое племя, обитающее Огненную Землю, ходятъ голые и питаются слизняками. Движенія ихъ необузданны, голоса̀ напоминаютъ звукъ полосканія горла. «При видѣ такихъ людей, говоритъ Дарвинъ въ описаніи своего путешествія, едвали можно вѣрить, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами. Ночью скучившись по пяти, по шести, голые и неприкрытые отъ дождя и вѣтра, спятъ на сырой землѣ, свернувшись подобно животнымъ.» Женщины выряютъ, чтобы доставать морскія яица и маленькихъ рыбокъ. Найденный трупъ гніющаго кита или тюленя съѣдается и составляетъ праздничное блюдо этихъ людей. Кромѣ того они ѣдятъ безвкусныя ягоды и грибы — вотъ и вся ихъ пища. Если эти племена или поколѣнія воюютъ между собою, то мясо своихъ военноплѣнныхъ и убитыхъ ѣдятъ. Недостатокъ пищи заставляетъ ихъ иногда убивать и пожирать своихъ старыхъ женщинъ прежде собакъ, потому что, какъ они увѣряютъ, «собака ловитъ выдръ, а старуха нѣтъ». Способъ умерщвленія старухи заключается въ томъ, что ее привязываютъ къ дереву надъ дымомъ разведеннаго огня и держатъ до тѣхъ поръ, пока она не задохнется. Мясо ихъ считается самымъ вкуснымъ. Сухопутныхъ птицъ Пешерессы не охотно ѣдятъ, потому что птицы питаются трупами людей. У это-

го племени нѣтъ главы, но всякая семья имѣетъ своего колдуна или знахаря. Имъ совершенно чужды наслажденія семейной жизни, потому что семейнаго очага у нихъ нѣтъ. Мужъ относится къ женѣ какъ къ рабочей скотинѣ. Чикитоссы и Махоссы, населяющіе Боливію, утверждаетъ Вайтцъ, не прочь продать своихъ дѣтей и даже умертвить, если родятся двойни.

Юракары, о которыхъ мы уже упоминали, убиваютъ часто своихъ дѣтей на томъ основаніи, что они причиняютъ имъ много заботъ. У этого племени не замѣчалось уваженія къ родителямъ; и какъ послѣдніе не могли ожидать, чтобы дѣти впослѣдствіи поддерживали ихъ старость, то и считали совершенно правымъ дѣломъ освободить себя отъ этой обузы, особенно если эту обузу составляла дѣвочка.

Миссіонеръ Гумилла разсказываетъ [1]), что на берегахъ рѣки Ориноко ему однажды пришлось попрекнуть одну молодую Индѣянку за равнодушіе ея къ дитяти; на это та отвѣчала, что очень жалѣетъ, что мать при рожденіи ее не удушила; тогда бы ей не пришлось выносить столько горя. «Когда наши мужья, говорила она, идутъ на охоту, они заставляютъ насъ слѣдовать за ними съ груднымъ ребенкомъ и нести ихъ оружіе. Возвращаясь домой, они навьючиваютъ на насъ всю свою добычу и мы приходимъ во-свояси измученными отъ усталости. Дома мужья наши отдыхаютъ, а мы не имѣемъ на то права; мы должны цѣлую ночь молоть маисъ и приготовлять для нихъ шика. Напившись пьяными они насъ колотятъ, таскаютъ за волосы и топ-

---

[1]) Thousery. La Femme au XIX siècle. Paris, 1865. 1. v. in 12°.

чутъ ногами. Впереди тоже ничего хорошаго насъ не ожидаетъ; когда мы состарѣемся, мужья берутъ себѣ новыхъ, молодыхъ женъ и поощряютъ послѣднихъ, когда тѣ насъ поносятъ и бьютъ дѣтей нашихъ. Думаете ли вы, заключила бѣдняга, что можетъ хватить у любой изъ насъ терпѣнія на столько, чтобъ вынести такую тиранію. Нѣтъ, лучшій знакъ нѣжности, который мы только можемъ оказать нашимъ дочерямъ, это удушить ихъ при рожденіи».

Въ Калифорніи, говоритъ Ренувье [1]), женщину дотого презирали, что содомія, развившаяся въ сильнѣйшей степени, приняла наконецъ характеръ браковъ; хозяйствомъ завѣдывала и всѣ женскія работы выполняла болѣе нѣжная половина этого союза.

Флоридскіе Индѣйцы, по увѣренію того же Ренувье, дотого презирали бракъ между членами одного и того же племени, что брачились лишь съ чужеземками, а своихъ маленькихъ дѣвочекъ бросали на съѣденіе собакамъ, чтобъ онѣ впослѣдствіи не способствовали распложенію вражескихъ племенъ.

Дарвинъ говоритъ, что у дикихъ Индѣйцевъ гористыхъ и лѣсныхъ мѣстностей Чили и Лаплаты полигамія общеупотребительна. Каждый имѣетъ столько женъ, сколько въ состояніи содержать, а у касиковъ (старшинъ) ихъ бываетъ до 10 и болѣе. «Входя въ хижину касика вы узнаете количество его женъ по числу отдѣльныхъ очаговъ. Каждая изъ женъ живетъ съ нимъ поочередно одну недѣлю, другія въ это время работаютъ для нея и ждутъ своей очереди. Всѣ Ин-

[1]) Renouvier. Introd. à la phil. anal. de l'histoire.

дѣянки добиваются чести быть женою кацика». Слѣд. онѣ, довольныя своею участію, съ терпѣніемъ выжидаютъ окончанія 9-ти недѣльнаго вдовства, чтобы пожить одну недѣлю госпожею.

У Сіузскаго племени, обитающаго верховья Миссури и Миссисипи, по увѣренію Вайтца, не дѣтей предаютъ смерти, а хилыхъ стариковъ и старухъ, чтобы избавить племя отъ безполезныхъ членовъ; но въ тоже время считаютъ варварствомъ, когда бѣлые своихъ дѣтей сѣкутъ розгами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ дотого развита любовь и нѣжность къ дѣтямъ, что когда у одного вождя умеръ сынъ, то въ воспоминаніе о немъ отецъ сжегъ свой домъ со всѣмъ заключавшимся въ немъ имуществомъ. Сіузцы хитры, осторожны, терпѣливо сносятъ всякаго рода мученія и хладнокровно-жестоки. Сыновей своихъ балуютъ, но съ дочерьми чрезмѣрно строги. Съ самаго дѣтства женщина обречена на страданія. Дѣвочекъ всѣ презираютъ. Когда же онѣ подрастаютъ и вступаютъ въ возрастъ невѣсты, то это для нихъ самое счастливое, хотя и скоропроходящее время, потому что женихи, не зная отдадутъ ли за нихъ кандидатку, всячески льстятъ ей и обращаются съ нею ласково. Но какъ скоро онѣ становятся супругами, для нихъ проходитъ безвозвратно это золотое время; поэтому онѣ не охотно выходятъ замужъ. Нерѣдко случается, что сіузскій женихъ узнаетъ что его возлюбленная, не желая выходить за немилаго, повѣсилась. Съ женами обращаются грубо; на нихъ возлагаютъ всѣ работы, которымъ нѣтъ конца. Распредѣленіе занятій, говоритъ Вайтцъ, между мужчиной и женщиной дотого неравномѣрно, что на долю мужчины приходится лишь охота и война, а все остальное достается

на долю болѣе слабой половины человѣческаго рода. Жена служитъ Сіузцу не смѣя показывать ни усталости, ни ослушанія. Главная ея забота угождать ему; всѣ ея помыслы направлены лишь на то, чтобъ ею остались довольны—но этого-то она никогда и не достигаетъ. Во взорѣ сіузской женщины нѣтъ ничего привлекательнаго: убитая, угнетенная, обремененная работой, послѣ первыхъ же родовъ она дѣлается старухою.

У болѣе развитыхъ племенъ, выказавшихъ способность сплотиться и организовать цѣлыя государства, какъ напр. у племенъ населяющихъ Мексику и Перу—нравы хотя и не такъ жестоки, но не менѣе того стоятъ на очень низкой степени развитія и извратились систематически.

Такъ, свидѣтельствуетъ Вайтцъ, у Мексиканскихъ Индѣйцевъ женщина была, какъ водится, въ повиновеніи у мужчины, но не была имъ угнетаема. Обращеніе съ нею было относительно кроткое. Она могла принимать участіе въ общественныхъ празднествахъ; но вообще жить должна была взаперти въ своемъ жилищѣ. Дѣвицъ воспитывали дома въ строгости и въ повиновеніи. Если дѣвушкѣ случалось выдти на улицу, то она не смѣла поднимать глазъ, а должна была идти съ потупленными глазами. Моногамія была признана въ принципѣ. Но богатые и знатные имѣли по нѣскольку женъ; одна изъ нихъ считалась законною. У Хихимековъ, Мацатековъ и Отоміессовъ многоженство встрѣчалось зачастую; только съ родственницами браки запрещались подъ опасеніемъ смертной казни. У Мехоакановъ же встрѣчалось нерѣдко, что индивидуумъ былъ женатъ въ одно и тоже время на матери и дочери. У Мицтековъ, Цапотековъ не существовало ни-

какихъ запрещеній относительно брачныхъ союзовъ; вожди считали даже своимъ долгомъ взять себѣ въ супруги близкую родственницу. Въ Мехико, когда умиралъ мужъ, то братъ его становился наслѣдникомъ его имущества и вдовы, съ которою обыкновенно сочетался бракомъ. Когда Испанцы впервые посѣтили Мехико, то нашли тамъ публичныхъ женщинъ, не требовавшихъ никакого матеріальнаго вознагражденія за свои услуги. Но туземцами они были презираемы. Въ военное время многія изъ нихъ сопутствовали добровольно войскамъ и бросались въ схватки, гдѣ нерѣдко и погибали. Сводничество и дѣторастлѣніе, которое часто встрѣчалось у нѣкоторыхъ прибрежныхъ племенъ, наказывалось здѣсь строго. Обольститель рабыни становился рабомъ ея господина, если она умирала въ родахъ. Наложничество хотя и существовало, но скрывалось отъ всѣхъ. Избравъ себѣ невѣсту, женихъ посылалъ къ ея родителямъ сваху, которая и объявляла о средствахъ жениха; но при всемъ томъ Вайтцъ не считаетъ ихъ браки куплей. Когда сваха дѣло улаживала, то въ назначенный астрологами счастливый день устраивали свадебную церемонію, которая начиналась съ того, что молодые обкуривали предварительно другъ друга въ знакъ взаимной любви и уваженія; потомъ ихъ сажали вмѣстѣ на рогожу возлѣ домашняго очага и давали имъ ѣсть, причемъ жрецъ связавъ ихъ платья вмѣстѣ, долженъ былъ произнести подходящую къ торжеству рѣчь. Затѣмъ молодые удалялись и должны были четыре дня проводить дома въ уединеніи, въ молитвѣ и постѣ, въ обкуриваніи другъ друга и въ кровопусканіи [1]. По про-

---

[1] Общеупотребительный родъ жертвоприношенія.

шествіи означеннаго срока жрецъ навѣщалъ молодыхъ и дарилъ имъ двѣ новыя рогожи, и съ этого момента бракъ считался заключеннымъ и молодые могли принадлежать другъ другу. У Мицтековъ обрядъ состоялъ въ томъ, что у молодыхъ отрѣзывали пукъ волосъ, послѣ чего они пожимали другъ другу руку, и женихъ, схвативъ свою невѣсту, долженъ былъ пронести ее нѣкоторое пространство на своей спинѣ. Разводъ допускался если жена была зла, нечистоплотна или безплодна. Невѣрную жену побивали каменьями; если же мужу приходила мысль ее спасти и взять къ себѣ обратно, то его присуждали къ строгому наказанію. Въ случаѣ развода дѣлили имущество и дѣтей: отецъ бралъ сыновей, дочери уходили съ матерью. Если жена умирала во время первыхъ родовъ, то ее хоронили въ храмѣ какой нибудь богини, почитали чуть ли не за святую и предполагали, что душа ея не поселялась въ обители мрака, а непремѣнно возлетала на западъ, въ солнечную обитель. Ея волосы считались талисманомъ на войнѣ.

Въ Гватемалѣ, у озера Никарагуа, туземцы были очень строги къ супругамъ; но дѣвицы пользовались свободою.

Въ Юкатанѣ наслѣдство переходило всегда къ сыновьямъ; если же ихъ не было, то къ братьямъ умершаго. Къ женщинѣ оно не переходило никогда. Полигамія не была допускаема, но разводъ былъ легокъ.

Въ Гаити, когда умиралъ кацикъ, любимая его жена должна была слѣдовать за нимъ въ могилу; если она сопротивлялась, то ее провозглашали посягнувшею на супружескую вѣрность.

У Перуанскихъ Индѣйцевъ моногамія, также какъ и у Мексиканскихъ, была уважаема лишь въ принципѣ; на практикѣ же, особенно богатые и знатные, ее не лю-

били. Брачились обыкновенно молодые одинаковыхъ сословій. Женихъ, получа согласіе у отца невѣсты, снималъ при свидѣтеляхъ съ ея ноги башмакъ. Потомъ два дня молодые постились, а на третій невѣста приготовляла *шика* [1]) и чествовала своего будущаго мужа, который во всѣ эти дни прислуживалъ ея отцу. Замужняя женщина проводила время уединенно, занимаясь разною работою. Публичная женщина презиралась и могла жить лишь внѣ города. Нарушеніе супружеской вѣрности наказывалось смертію жены и обольстителя. Въ Перу существовали заведенія, въ которыхъ на счетъ Инки воспитывались незаконнорожденныя дѣти. Нравы относительно были чище въ Перу. Вдовы рѣдко выходили вторично замужъ; онѣ жили на попеченіи у Инки, но были презираемы за то, что не послѣдовали за мужемъ въ могилу. Старыя дѣвы были въ большомъ почетѣ. Въ Перу при храмахъ строили особые флигеля, въ которыхъ заточали на три года дѣвицъ. Этихъ монашенекъ называли «*женщинами солнца*». Онѣ были обречены на безбрачную жизнь, проводили время въ постѣ и въ молитвѣ, пѣли и плясали въ храмахъ; въ остальное время приготовляли шика и маисовый хлѣбъ для Инки, пряли и ткали. Однѣ изъ нихъ предназначались исключительно служенію въ храмѣ, нѣкоторыя были отдаваемы въ жертву богамъ, другія избирались ко двору Инки. Если женщина солнца теряла невинность, то ее и соблазнителя зарывали въ землю живыми. Но если она клялась, что не отъ человѣка, а

---

[1]) Охмѣляющій напитокъ изъ маиса.

отъ солнца зачала, то ее прощали и дѣтей щадили. Вайтцъ предполагаетъ, что подъ сынами солнца подразумѣвали сыновъ Инки. Этихъ женщинъ охраняли евнухи въ священныхъ домахъ. При храмѣ Куцко находилось до 1000 дѣвственницъ, которыя всѣ были по происхожденію отъ фамиліи Инки. Въ другихъ мѣстахъ дѣвушки разныхъ сословій поступали на три года въ священные дома и работали для храма. По прошествіи срока трехъ красивѣйшихъ избирали въ наложницы для Инки, трехъ производили въ жрицы храма, а остальныхъ Инка выдавалъ замужъ, или же дарилъ своимъ любимцамъ.

ГЛАВА XII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вотъ возможно полная картина положенія первобытной женщины. Если эта картина произвела на читателя тягостное и грустное впечатлѣніе, то это не наша вина. Мы перебрали нынѣ существующія или недавно существовавшія племена всѣхъ странъ, которыя коснѣли или еще коснѣютъ въ грубомъ фетишизмѣ или политеизмѣ, и вездѣ встрѣчали одно и то же: къ какой бы расѣ эти племена ни принадлежали, отъ какихъ бы мѣстныхъ и климатическихъ условій ни зависѣли—результатомъ первобытнаго невѣжества вездѣ является право сильнаго: сила вездѣ обоготворяется, слабость презирается. «У сильнаго, говоритъ Крыловъ, всегда безсильный виноватъ». Женщина слабѣе мужа—она его раба; хуже того, она домашнее его животное, она его вещь и годна лишь для домашняго обихода! Онъ ее презираетъ, какъ низшую, слабую тварь— она его обожаетъ какъ высшее существо, одаренное силой! Онъ для нея благодѣтель, господинъ,

божество,—она для него самка, рабочая скотина, негодная тварь!

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ этюдъ о женщинѣ первобытной. Слѣдующій этюдъ мы посвятимъ женщинѣ древняго міра, слѣд. женщинѣ исторической.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ФРАНЦУЗСКИМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ О ЖЕНЩИНѢ, ЕЯ ИСТОРІИ И ЕЯ НАСТОЯЩЕМЪ ЗНАЧЕНІИ И ПОЛОЖЕНІИ ВЪ СЕМЬѢ И ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Матеріалы для будущаго историка женщины).

---

1. ABRANTÈS (Duchesse d'). . . . .
2. » » Les Femmes célèbres de tous les pays; leur vie et leurs portraits. Paris, 1835. 1 v. in 8°.
3. » » Histoire des Salons de Paris. Paris, 1837. 6 vols. in 8°.
4. ADAM-SALOMON (M-me). De l'Éducation d'après Pan-Hoci-Pan. Paris, 1856. 1 v. in 32°.
5. Adultère (De l') dans les différents âges et chez les différentes nations. Paris, 1803. 1 v. in 16°.
6. AIMÉ-MARTIN (L.). De l'Éducation des mères de famille ou de la civilisation du genre humain par les femmes. Bruxelles, 1861. 2 vols. in 18°.
7. ALBY (Ern.). Catherine de Navarre. Histoire de la Réforme. Paris, 1838. 2 vols. in 8°.
8. ALHOY (M.). Physiologie de la Lorette. Paris. 1 v. in 32°.
9. ALICE. Première expérience du monde à la sortie de pension. Par une Institutrice. Paris, 1847. 1 v. in 12°.

10. ALONSO (Don). Mémoires d'une Institutrice à Constantinople Paris, 1867. 1 v. in 8°.
11. AMETTE (M.A.). Cours complet d'Éducation pour les filles. Paris, 1846. 1 v. in. 8°.
12. Amélioration de la vie domestique de la classe ouvrière. Gand, 1864. 1 v. in 8°.
13. AMORINI (Le Chevalier). De l'adultère chez tous les peuples. Paris, 1863. 1 v. in 24°.
14. AMORY (M-lle Jos.). De l'existence morale et physique des femmes. Paris, 1849. 1 v. in 8°.
15. AMORY (M-lle Jos.). Galerie des femmes célèbres; avec une Introduction par M. Pitre-Chevalier. Paris, 1847. 1 v. in 16°.
16. ANCELOT (M-me). Un Salon de Pari s (1824—1864). Paris. 1 v. in 8°.
17. » » Les Salons de Paris. Foyers éteins. Paris, 1858. 1 v. in 18°.
18. ANDERSON (Le R. G.). Les Femmes de la Réformation. Traduit de l'anglais par M-me Abric Encontre. Paris, 1865—1867, T. I (Suisse, France, Italie); T. II (Allemagne, Hollande, Espagne), in 12°.
19. Anthologie Satirique. Le mal que les poëtes ont dit des femmes. Par P. J. Martin et Larcher. Bruxelles, 1858. 1 v. in 12°.
20. ARAGO. Physiologie de la femme entretenue. Bruxelles, 1841. 1 v. in 18°.
21. » Souvenirs d'un aveugle. Voyage autour du monde. Paris, 1859. 2 vols. in 8°.
22. ARMAILLÉ (M-me la C-sse d'). Catherine de Bourbon, soeur de Henri IV (1559—1604). Étude historique. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
23. ARMENGAUD. Les Reines du monde, par nos premiers écrivains. Paris, 1862. 1 v. gr. in folio (illustré).
24. AUBENAS (Jos.). Histoire de l'Impératrice Joséphine. Paris, 1867. 2 vols. in 8°.
25. AUBERT (Ch.). Femmes vues au stéréoscope. 1-re épreuve: Vertueuses et Coupables. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
26. AUBIER. Observations sur les Mémoires de M-me Campan. Paris, 1823 1 v. in 8°.
27. AUDEBRAND (Ph.). Les Mariages d'aujourd'hui. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
28. AUDOUARD (M-me O.). Comment aiment les hommes. Paris, 1862. 1 v. in 12°.
29. » Guerre aux hommes. Paris, 1866. 1 v. in 12°.

30. AUDOUARD (M-me O.). Les Mystères du Sérail et des Harems turcs. Lois—moeurs—usages—anecdotes. Paris, 1863. 1 v. in 12°.
31. » Les Mystères de l'Egypte dévoilé. Paris. 1 v. in 12°.
32. AUGER (Hipp.). La Femme du monde et la femme artiste. Paris, 1838. 2 vols. in 8°.
33. AUGICOUR-POLIGNY (Comte D'). Monde moderne, ou Tableau des scènes de la vie, des moeurs, et des idées. Paris, 1843. 1 v. in 8°.
34. AUNET (M-me L. d'). Voyage d'une femme au Spitzberg. Paris, 1854. 1 v. in 8°.
35. AVRILLON. Mémoires de M-lle Avrillon (première femme de chambre de l'Impératrice), sur la vie privée de Joséphine. Paris, 1833. 2 vols. in 8°.
36. AVROY (M-me). De l'amour des sots pour les femmes d'esprit. Paris, 1859. 1 v. in 16°.
37. BABOU (Hip.). Les Amoureux de M-me de Sévigné. Les femmes vertueuses du grand siècle. Paris, 1862. 1 v. in 8°.
38. BACQUÈS (H.). L'Empire de la femme. Paris, 1859. 1 v. in 16°.
39. BADER (M-lle Clarisse). La Femme biblique, sa vie morale et sociale, sa participation au développement de l'idée religieuse. Paris, 1866. 1 v. in 8°.
40. » La Femme dans l'Inde antique. Étude morale et littéraire. Paris, 1864. 1 v. in 8°.
41. BAISSAC (J.). Les Femmes dans les temps anciens. Bruxelles, 1859. 1 v. in 12°.
42. » Les Femmes dans les temps modernes. Bruxelles, 1867. 1 v. in 12°.
43. BALME-FRÉZOL (l'Abbé). De l'Instruction des femmes. Paris, 1866. 1 v. in 8°.
44. « » Réflexions et conseils pratiques sur l'éducation. Paris, 1858. 2 vols. in 8°.
45. BALZAC (H. de). Étude de femme (Romans et contes philosophiques. T. III. in 8°).
46. » Autre étude de femmes (oeuvres complets. Paris, 1855. T. II, pp. 422 à 457, in 8°).
47. » Étude philosophique sur Catherine de Medicis. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
48. » Physiologie du mariage, ou Méditations de philosophie éclectique sur le bonheur et le malheur conjugal. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
49. BARANTE. Histoire de Jeanne D'Arc. Paris, 1859. 1 v. in 12°.
50. BARESTE (Eug.). La Marquise de Brinvilliers. Paris. 1 v. in 4°.

7

51. BARGHON FORT-RION. Mémoires de M-me Élisabeth de France, soeur de Louis XVI. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
52. BARIC. Ces bonnes petites femmes. Paris. 1 v. in 4°.
53. BARINS. Galerie des jeunes personnes et des femmes célèbres. Paris, 1836. 1 v. in 8°.
54. BARRAU (Th. H.). Du rôle de la femme dans l'éducation. Paris, 1857. 1 v. in 8°.
55. BARTHÉLEMY (Ed. de). Les Amis de la M-quise de Sablé. Recueil de lettres des principaux habitués de son salon. Paris, 1865. 1 v. in 8°.
56. » M-me la C-sse de Maure, sa vie et sa correspondance; suivie des Maximes de M-me de Sablé et d'une Étude sur la vie de M-lle de Vandy. Paris, 1863. 1 v. in 12°.
57. BASSANVILLE (C-sse de). De l'Éducation des femmes: Le Monde. — Le chez — soi. — La Famille. Avec Préface d'Alfred Nettement. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
58. » Les Salons d'autrefois. Paris, 1862. 4 Séries in 12°.
59. BAUDOT (Alph.). M-me de Montbazan. Paris, 1836. 2 vols. in 8°
60. BEAUCHESNE (A. de). Le Livre des jeunes mères. Paris, 1858. 1 v. in 8°
61. BEAUDOUX (M-me Cl.). La Science maternelle ou l'Éducation morale et intellectuelle des jeunes filles. Paris, 1844. 1 v. in 8°.
62. BEAUMONT-VASSY (V-te de). Les Salons de Paris et la Société Parisienne sous Louis-Philippe I. Paris, 1866. 1 v in 12°.
63. BELGIOJOZO (P-sse de). Scènes de la vie turque. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
64. BELL (Currer). Jan Eyre, ou les Mémoires d'une Institutrice. Trad. par M-me Lesbazeilles—Sauvestre. Paris, 1859. 1 v. in 12°.
65. BELLEGARRIGUE (A.). Les Femmes d'Amérique. Paris, 1855. 1 v. in 18°.
66. Belles (Les) femmes de Paris. Par les hommes de lettres et les hommes du monde. Paris, 1839. 12 livrs. in 8°.
67. Belles (Les) femmes de Paris et de la province. Par Balzac, le C-te de Beauvoir etc. Paris, 1839. 24 Livrs. in 8°.
68. BELOUINO (Docteur en Médecine). La Femme. Physiologie—Histoire—Morale. Paris. 1 v. in 8°.
69. BERAUD (F.). Les Filles publiques de Paris et la police qui les régit. Paris, 1839. 2 vols. in 8°.

70. BERGMANN (F. G.). Les Scythes. Les ancêtres des peuples germaniques et slaves, leur état sociale etc. Colmar, 1858. 1 v. in 8°.
71. BERNARD-DEROSNE (Ch.). Mémoires sur la Reine Hortense, mère de Napoléon III. Paris, 1863. 1 v. in 8°.
72. BERTHOUD (S. H.). Les Femmes de Pays-Bas et de Flandres. Paris, 1862. 1 v. in 12°.
73. » Le véritable tableau de l'amour conjugal. Paris, 1863. 4 vols. in 16°.
74. BEYNET (L.). Les Drames du Désert. Scènes de la vie arabe. Paris, 1862. 1 v. in 18°.
75. BIARD. Deux annees au Bresil. Paris, 1862. 1 v. in 8°.
76. » Scènes de moeurs Mexicaines. Paris, 1866. 2 vols. in 8°.
77. Bibliothèque des Mémoires relatifs à l'Histoire de France pendant le XVIII siècle, avec avant-propos et notices par F. Barrière. Paris. T. I: Mémoires de M-me Staal, in 12°.
78. » T. III: Madame Du Hausset, femme de chambre de M-me de Pompadour, in 12°.
79. » T. VI: Mémoires de M-lle Clairon, in 12°.
80. » T. VIII: Madame Roland, in 12°.
81. » T. XXVII: Journal du Mistress Elliot, in 12°.
82. Biographie anecdotique de M-lle Rachel. Bruxelles, 1858. 1 v. in 16°.
83. BLANC (Louis). Lettres sur l'Angleterre. Paris, 1866. 4 vols. in 8°.
84. BLANVALET (H.). Femmes-Poëtes de la France. Anthologie. Genève, 1856. 1 v. in 16°.
85. BOISTEL. Le Droit dans la famille. Études de droit rationnel et de droit positif. Paris, 1864. 1 v. in 8°.
86. BOITARD. Les Mille et une singularités de moeurs, de coutumes des peuples sauvages, demi-sauvages et civilisés des deux Mondes. Paris. 1 v. in 8°.
87. Boite (La) à la malice, ou les ruses et astuces des femmes. Par un philosophe. Paris. 1 v. in 18°.
88. BONHOMME (Hon.). M-me de Maintenon et sa famille. Paris, 1863. 1 v. in 18°.
89. BONIFACE-DELCRO (J.). Études sur la condition légale des femmes dans la famille. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
90. BONJOUR. Les Lacédémoniennes, dédiées aux éléves de l'école polytechnique. Paris, 1825. 1 v. in 8°.

91. BONNAIN. De la Société et de ses vices principaux. Paris, 1823. 1 v. in 8°.
92. BONNECHOSE (Ém. de). Christophe Sauval, ou la Société en France sous la Restauration. Paris, 1845. 2 vols. in 8°.
93. BONNET (J.). Vie d'Olympia Marata. Épisode de la Renaissance et de la Réforme en Italie. Paris, 1851. 1 v. in 8°.
94. BOUCHER DE PERTHÈS. De la femme dans l'état social, de son travail et de sa rémunération. Abbeville, 1860. 1 v. in 8°.
95. BOUILLY (J. N.). Les Jeunes femmes. Bruxelles, 1844. 2 v. in 18°.
96. BOUNIOL (Bathilde). La Femme, ses vertus et ses défauts. Paris, 1864. 450 p. in 12°.
97. BOURDON (M-me). Le Divorce. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
98. » Les Servantes de Dieu. Vies édifiantes des dames les plus pieuses et les plus charitables depuis M-me de Miramion (XVII-siècle.) jusqu' à M-me Swetchine inclusivement. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
99. » Souvenirs d'une Institutrice. Paris, 1859. 1 v. in 12°.
100. BOURGOGNE. Le sexe faible. Paris, 1864. 1 v. in 12°.
101. BOURNON - GINESTAUX (V-te de). Les Jeunes femmes, ou les séductions de la nature et de l'art. Les séductions des yeux. Paris, 1856. 1 v. in 8°.
102. BOURSIN (E.). Le Livre des Femmes au XIX siècle. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
103. Boussole (La) du mariage. Smyrna, 1832. 1 v. in 8°.
104. BOYER. La cité humaine. Principes méthaphysiques de philosophie sociale. Paris, 1851. 1 v. in 8°.
105. BREHAT (Alfr. de). Histoires d'amour au Méxique, en Californie, dans la Nouvelle Grenada et dans l'Inde. Bruxelles. 1 v. in 8°.
106. BREMER (M-lle Fr.). La Vie dans le nouveau monde. Lettres écrites pendant un séjour de deux années dans l'Amérique du Nord et à Cuba. Trad. du Suédois par M-lle R. Du Puget. Paris. 2 vols. in 8°.
107. BRIANCOURT (Mat.). Visite au phalanstère. Paris, 1848. 1 v. in 8°.
108. BRISSET (M. J.). M-me Roland, ou les Girondins. Bruxelles, 1843. 1 v. in 12°.
109. BROT. Jeanne Gray. Paris, 1862. 1 v. in 12°.
110. BUCHON. Correspondance inédite de M-me Campan avec la Reine Hortense. Paris, 1835. 2 vols. in 8°.

111. BUGEAUD D'ISLY (Maréchal). Les Socialistes et le travail en commun. Paris, 1848. 1 v. in 24°.
112. BUISSON (Eug.). La Famille, son influence sur le developpement et le progrès de l'être moral. Paris, 1849. 1 v. in 18°.
113. » L'Homme, la famille et la société dans leur rapport avec le progrès moral de l'humanité. Paris, 1857. 3 vols. in 12°.
114. BUSSY (Ch. de). Les Courtisanes devenues saintes. Paris, 1859 1 v. in 16°.
115. BUSTEED (N. W.). Les Vierges de la Forêt. Paris, 1865.
116. CACHELEU (J.). Aperçu sur l'organisation de la société. Paris, 1840. 1 v. in 8°.
117. CADET DE VAUX. Pourquoi les femmes se font-elles aimer? Paris. 1 v. in 32°.
118. CAMPAN. Mémoires sur la vie privée de Marie Antoinette, reine de France et de Navarre. Paris, 1822. 3 vols. in...
119. CAMPARDON (Émile). Marie Antoinette et le procès du collier. Paris, 1863. 1 v. in 8°.
120. CANTREL (Ém.). Nouvelles à la main sur la C-sse Du Barry, trouvées dans les papiers du C.-te de ***. Introduction par Ars. Houssaye. Paris, 1861. 1 v. in 8°.
121. CAPEFIGUE. Agnès Sorel et la chevalerie. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
122. » Anne d'Autriche, reine régente et la minorité de Louis XIV. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
123. » Aspasie et les courtisanes athéniennes. Paris, 1862. 1 v. in 18°.
124. » Les Bacchantes et les jeunes patriciens de Rome, sous les Césars. Paris, 1864. 1 v. in 12°.
125. » La Baronne de Krudner. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
126. » La Belle Corisande et les galanteries du Béarnais. Paris. 1 v. in 12°.
127. » Catherine de Medicis, mère des rois François II, Charles IX etc. Paris, 1856. 1 v. in 12°.
128. » Comtesse de Cayla. Louis XVIII et les salons du faubourg S-t. Germain sous la Restauration. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
129. » La Comtesse de Parabère. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
130. » Les Cours d'amour et les Comtesses de Province. Paris. 1 v. in 12°.
131. » Les Déesses de la liberté. Paris, 1863. 1 v. in 18°.

132. CAPEFIGUE. Derniers jours de Trianon. La Duchesse Gabrielle de Polignac. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
133. » La Duchesse de Portsmouth et la cour galante des Stuarts. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
134. » Les Fondateurs des grands ordres religieux. 1. S-te Thérèse de Jésus. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
135. » dito. 2. S-te Françoise de Chantal. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
136. » Gabrielle d'Estrées et la politique de Henri IV. Paris, 1859. 1 v. in 12°.
137. . . . .
138. » Les Héroines de la Ligue et les Mignonnes de Henri IV. Paris, 1864. 1 v. in 12°.
139. » L'Impératrice Marie Thérèse, reine de Hongrie. Paris. 1 v. in 12°.
140. » Louis XV et la société du XVIII siècle. Paris, 1854. 1 v. in 8°.
141. » Madame la Comtesse Du Barry. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
142. » Madame la Marquise de Pompadour. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
143. » Mademoiselle de Lavallière et les favorites des trois âges de Louis XIV. Paris, 1859. 1 v. in 12°.
144. » Marie de Médicis. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
145. » Mesdemoiselles de Nesle et la jeunesse de Louis XV. Paris, 1864. 1 v. in 12°.
146. » Ninon de Lenclos. Paris, 1864. 1 v. in 12°.
147. » La Reine vierge Élisabeth d'Angleterre. Paris, 1863. 1 v. in 12°.
148. » Très-haute et très puissante dame Diane de Poitiers, duchesse de Valentinois. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
149. CAPPELLE (Marie). Mémoires de Marie Capelle, veuve Lafarge, écrits par elle même. Paris, 1841. 2 vols. in 8°.
150. CARACCIOLO (Madame Enrichetta). Mémoires (Mystères des Couvents de Naples). Paris, 1865. 1 v. in 12°.
151. CARLIER. Le Mariage aux Etats-Unis. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
152. CARLOWITZ (Baronne de). La Femme du progrès, ou l'émancipation. Lagny, 1838. 2 vols. in 8°.
153. CARPENTIER (M-lle). Enseignement pratique dans les écoles maternelles, ou premières leçons à donner aux petits enfants. Paris, 1849. 1 v. in 8°.

154. CARPENTIER. Histoires des Reines de France. Paris. 1 v. in 8°.
155. . . . .
156. CASTILLE (Hipp.). Les Hommes et les moeurs en France sous le règne de Louis-Philippe. Paris, 1853. 1 v. in 12°.
157. » Duchesse de Berry. Paris, 1858. 1 v. in 18°.
158. » Duchesse d'Orléans. Paris, 1856. 1 v. in 18°.
159. » L'Impératrice Eugénie. Paris, 1859. 1 v. in 18°.
160. » Madame de Staël. Paris, 1857. 1 v. in 18°.
161. » La Reine Victoria. Paris, 1858. 1 v. in 18°.
162. . . . .
163. CATTIN (G.) La vie chez les Indiens. Scènes et aventures de voyage parmi les tribus des deux Amériques. Paris, 1863. 1 v. in 12°.

164. CAYLUS (Madame de). Souvenirs. Paris. 1860. 1 v. in 12°.
165. Ce qu'on a dit de la fidélité et de l'infidélité, par Larcher et P. Julien. Bruxelles, 1858. 1 v. in 12°.

166. Ce qu'on a dit du mariage et du célibat, par Larcher et P. Julien. Bruxelles, 1858. 1 v. in 12°.

167. CELLIEZ (M-lle). Les Impératrices. Paris. 1 v. in 8°.
168. » La Marquise de Marialvo, ou la fille de Philippe III. Paris, 1846. 1 v. in. 8°.
169. » Les Reines d'Angleterre. Paris. 1 v. in 8°.
170. » Les Reines d'Espagne, suivies des reines de Portugal. Paris. 2 vols. in 8°.
171. » Les Reines de France. Tours, 1846. 1 v. in 8°.
172. » Saintes de France. Paris. 1 v. in 8°.
173. CHABRILLAN (Madame la Comtesse de). La Sapho. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
174. CHANTAL (J.). L'Egypte et ses premières merveilles. Moeurs, coutumes, usages et cérémonies religieuses de l'ancien Egypte. Paris. 1 v. in 12°.
175. CHANTÉPIE (Ed.). La Figure féminine au XIX siècle. L'esprit de la dot. Paris, 1861. 1 v. in 12°.
176. CHARLOTTE de Vallois et Jacques de Brézé, Comte de Moulévrier. Chronique du XV siècle, mise en lumière par un ancien gentilhomme. Paris, 1844. 1 v. in 8°.
177. CHASLES (Phil.). Études sur Marie Stuart. Paris. 1 v. in 12°.
178. » » Études sur les moeurs au XIX siècle. 3 vols. in 12°.
179. » » Virginie de Leyva, ou intérieur d'un couvent de femme en Italie. Paris, 1861. 1 v. in 12°.

180. CHASSAY (L'Abbé Fr.). Les Devoirs des femmes dans la famille. Paris, 1852. 1 v. in 12°.
181. » Les difficultés de la vie en famille. Paris, 1853. 1 v. in 12°.
182. » Épreuves du mariage. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
183. » La Femme chrétienne dans ses rapports avec le monde. Paris, 1850. 1 v. in 12°.
184. CHATEAUBRIAND. Mémoires sur la captivité de M-me la C-sse de Berry. Paris, 1833. 1 v. in 8°.
185. CHATEAUNEUF. Les Favorites des rois de France depuis Agnès Sorel. Paris, 1862. 2 vols. in 12°.
186. CHAUMONT (L. de). Physiologie du boudoir et des femmes de Paris. Paris. 1 v. in 8°.
187. CHÉRUEL. Marie Stuart et Catherine de Medicis. Étude historique. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
188. » Mémoires de M-lle de Montpensier, petite-fille de Henri IV. Paris, 1857-58. 2 vols. in 8°.
189. CHEVOJON (Abbé). La Perfection des jeunes filles. Paris, 1856. 1 v. in 18°.
190. CHOISEUL-GOUFFIER (M-me la C-sse de). Halina Oginska, ou les Suédois en Pologne. Paris, 1839. 2 vols. in 8°.
191. COCHELET (M-lle). Mémoires sur la reine Hortense et la famille Impérial. Paris, 1836. 2 vols. in 8°.
192. Cocottes (Les)!!! Paris, 1864. 1 v. in 24°.
193. COGNAT (Abbé J.). Mémoires de M-me de Motteville, pour servir à l'Histoire d'Anne d'Autriche. Paris, 1853. 2 vols. in 8°.
194. COHEN. La Religieuse de Monza. Épisode du XVII siècle. Paris, 1830. 5 vols. in 12°.
195. COLET (M-me Louise). Charlotte Corday et M-me Roland. Paris, 1842. 1 v. in 8°.
196. » Deux Femmes célèbres. Paris, 1847. 2 vols. in 8°.
197. » Folles et Saintes. Paris, 1840. 2 vols. in 16°.
198. » L'Institutrice (см Les Français peint par eux mêmes. T. II).
199. » Madame Hoffman Tanska. 1 v. in 4°.
200. COLLIN DE PLANCY. Légendes des Femmes dans la vie réelle. Paris. 1. v. in 8°.
201. » Légendes de la S-te Vierge. Paris. 1. v. in 8°.
202. COLOMBEY. La Cour de Ninon. Préface par Arsène Houssaye. Paris, 1867. 1 v. in 12°.
203. » Ninon de Lenclos et sa cour. Paris, 1858. 1 v. in 8°.
204. COMBES. La P-sse des Ursins. Essais sur sa vie et son caractère politique. Paris, 1858. 1 v. in 8°.

205. Comte (Le) de St.-Germain et la Marquise de Pompadour, par M-me D***. Paris, 1834. 2 vols. in 8°.
206. Concubitus sine Lucina, ou le plaisir sans peine. Londres, 1752. 1 v. in 16°.
207. CONSTANT (Abbé Alph.). La Mère de Dieu. Paris, 1844. 1 v. in 8°.
208. Conversion d'une dame russe à la foi catholique, racontée par elle même et publiée par le P-ce Gagarine. Paris, 1863. 1 v. in 18°.
209. CORDELIER DELANOUE. La Demoiselle de campagne (см. Les Français peint par eux-mêmes. T. II).
210. CORDIER (Alph.). M-me Elisabeth de France, soeur de Louis XVI. Paris. 1 v. in 12°.
211. CORNAY (J. E.). Cosmogonie légale. Mémoires sur la genèse animale, la loi d'hermaphrodisme, la loi des sexes et la loi de fécondité. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
212. CORNE. De l'Éducation publique dans ses rapports avec la Famille et avec l'État. Paris, 1849. 1 v. in 8°.
213. Correspondance complète de M-me la D-sse d'Orléans. Paris, 1859. 2 vols. in 12°.
214. Correspondance complète de la M-quise Du Deffand avec ses amis le président Hénault, Montesquieu etc. Paris, 1865. 2 vols. in 8°.
215. Correspondance inédite de la D-sse de Bourgogne et de la Reine d'Espagne. Publiée avec une Introduction de M-me la C-sse Della Rocca. Paris, 1866. 1 v. in 12°.
216. Correspondance inédite de M-me Du Deffand, précédée d'une Notice par le M-quis de S-te Aulaire. Paris, 1859. 2 vols. in 8°.
217. CORTAMBERT (Richard). Les Illustres voyageuses. Paris, 1866. 1 v. in 8°.
218. COUILHAC (L.). La Mère d'actrice (см. Les Français peint par eux-mêmes. T. I).
219. » Phisiologie du célibataire et de la vieille fille. Paris, 1841. 1 v. in 16°.
220. Cour (La) de Marie Médicis. Mémoire d'un cadet de Gascogne. Paris, 1830. 1 v. in 8°.
221. COURCHAMPS (C-te de). Les Duchesses (см. Les Français peint par eux-mêmes. T. I).
222. Courtisanes (Les) grecques. Paris, 1859. 1 v. in 8°.
223. COUSIN (Victor). Jacqueline Pascal. Premières études sur les femmes illustres et la société du XVII siècle. Paris, 1856 1 v in 8°.
224. » M-me de Chevreuse et M-me de Hautefort. Paris, 1856. 1 v. in 8°.
225. » M-me de Longeville. Paris, 1853. 1 v. in 8°.

226. COUSIN (Victor). La Société française du XVII siècle, d'après le grand Cyrus de M-lle de Scudéry. Paris, 1858. 2 vols. in 8°.
227. CRÉQUI. Lettres inédites de la M-quise de Créqui à Senac de Meilhan (1782—1789), mises en ordre par E. Fournier et précédées d'une Introduction par S-te Beuve. Paris, 1856. 1 v. in 12°.
228. » Souvenirs de la M-quise de Créqui (1710—1802). Paris, 1834—35. 7 vols. in 8°.
229. CUISIN. La Galanterie sous la sauvegarde des lois. Paris, 1815. 1 v. in 12°.
230. » Les Nymphes du Palais-Royal. Paris, 1816. 1 v. in 12°.
231. CURZON (Em. de). Études sur les enfants-trouvés au point de vue de la Législation etc. Poitiers, 1847. 1 v. in 16°.
232. CUSTINE (M-quis). M-me de Varnhagen. Londres, 1838. 1 v. in 12°.
233. DAILLIER-CRETON (M-me). La Paix du monde, ou le droit commun rétabli pour tous par le baptême de la femme et son prochain avénement. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
234. DAMIRON (Ph.). Conseils et allocutions adressés à des enfants d'ouvriers et à leurs familles etc. Paris, 1862. 1 v. in 16°.
235. DARBOY (G.). Les Femmes de la Bible. Paris, 1847. 1 v. in 8°.
236. » Les Saintes Femmes. Fragments d'une histoire de l'Eglise. Paris. 1 v. in 8°.
237. DARGAUD. La Famille. Paris, 1853. 1 v. in 8°.
238. » Histoire d'Elisabeth d'Angleterre. Paris, 1866. 1 v. in 8°.
239. » Histoire de Jane Grey. Paris, 1863. 1 v. in 8°.
240. » Histoire de Marie Stuart. Paris, 1850. 2 vols. in 8°.
241. DARTHENAY (V.). Les Acteurs et les Actrices de Paris. Biographie complète. Paris, 1853. 1 v. in 8°.
242. DARTOIS (Ach.). Les Femmes volantes. Paris, 1824. 1 v. in 8°.
243. DASH (M-me la C-sse) *). Les Dernières amours de M-me du

---

*) При составленіи подобныхъ каталоговъ не имѣя всѣ соч. подъ руками, трудно избѣжать ошибокъ; и потому заранѣе предупреждаемъ нашихъ читателей: очень легко можетъ случится, что вмѣсто соч. чисто историческаго, окажется истор. романъ. Въ случаѣ сомнѣнія мы приняли за правило лучше помѣстить лишнее, чѣмъ исключить соч., могущее служить матеріаломъ. Такимъ образомъ достигнется та цѣль, что «Списокъ» будетъ по возможности полный.

Barry, précédés d'une Notice sur les Maîtresses de Louis XV, par Paul de St. Victor. Paris, 1864. 1 v. in 8°.

244. DASH. Les Galanteries de la Cour de Louis XV. Paris, 1861. 4 v. in 12°.
245. » Le Livre des Femmes. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
246. » Madame de la Sablière. Paris, 1840. 1 v. in 8°.
247. » Madame Louise de France. Paris, 1840. 1 v. in 8°.
248. » Mademoiselle Robespierre. Paris. 2 vols. in 8°.
249. » La Marquise de Parabère. Bruxelles, 1842. 2 vols. in 18°.
250. » La Princesse de Conti. Bruxelles. 1846. 2 vols. in 18°.
251. » La Princesse Palatine. Bruxelles. 2 vols. in 18°.
252. » Une Rivale de la Pompadour. Paris, 1864 1 v. in 12°.
253. DAUBAN (C. A.). Étude sur M-me Roland et son temps, suivi de Lettres de M-me Roland à Buzot et d'autres documents. Paris, 1864. 1 v. in 8°.
254. » Lettres en partie inédites de M-me Roland aux demoiselles Cannet etc. Avec Introduction et Notes. Paris, 1867. 2 vols. in 8°.
255. » Mémoires de M-me Roland. Paris, 1864. 1 v. in 8°.
256. DAUBIÉ (M-lle). La Femme pauvre au XIX siècle. Paris, 1866. 1 v. in 8°.
257. DAUPHIN (L'Abbé). De l'Éducation. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
258. DAURIAT (M-me L.). La Vierge d' Israël. Paris, 1830. 1 v. in 12°.
259. DAVIN (F.). Ce que regrettent les femmes. Paris, 1834. 2 Parties, in 8°.
260. » Une Fille naturelle. Règne de Henri II (1556—1557).
261. DAVIS (J. F.). La Chine, ou description générale des moeurs et des coutumes de l'Empire Chinois. Traduit par. A. Richard. Paris, 1837. 2 vols. in 8°.
262. DAX (V-sse de). L'Amour et la femme. Paris, 1860. 1 v. in 12°.
263. » La Mère. Paris, 1862. 1 v. in 12°.
264. DEBAY (A.). Histoire naturelle de l'homme et de la femme, depuis leurs apparition sur le globe terrestre jusqu'a nos jours. Paris, 1858. 1 v. in 12°.
265. » Laïs de Corinthe et Ninon de Lenclos. Paris, 1855. 1 v. in 8°.
266. » Les Nuits corinthiènnes, ou les soirées de Laïs. Paris, 1859. 1 v. in. 12°.
267. » Philosophie du mariage. Histoire de l'homme et de la femme mariés. Paris, 1849. 1 v. in 16°.

268. DEBAY. Physiologie descriptive des trente beautés de la femme. Paris, 1861. 1 v. in 12°.

269. DECOUR. Les Enfants trouvés. Paris, 1827. 2 vols. in 12°.

270. DECREPT (L.). Deux coeurs de femmes. Épisode de l'histoire des Maures d'Espagne. Paris, 1860. 2 Parties, in 12°.

271. DELBRUCK (J.). Les Récréations instructives, tirées de l'éducation nouvelle. Journal des mères et des enfants. Paris. 3 séries, in 4°.

272. DELÉCLUSE (E.). M-lle Justine de Liron et le mécanicien-roi. Paris. 1832 1 v. in 8°.

273. DELORD (Taxile). Physiologie de la Parisienne. Paris. 1 v. in 16°.

274. DELORT (M-lle Cornelie). Impréssions patriotiques et religieuses d'une française. Voyage de Paris à Jérusalem. Paris, 1862. 1 v. in 12°.

275. DELRIEU (A.). Virginité. Bruxelles, 1837. 2 vols. in 18°.

276. DÉNOIX DES VERGNES. Laissez passer la justice d'une femme. Paris, 1866. 1 v. in 12°.

277. DENOYERS (Louis). Les Femmes. Bruxelles, 1846. 3 vols. in 18°.

278. DEPOISIER. De l'Éducation. Observations pratiques. Paris, 1866. 1 v. in 12°.

279. DEPUICHAULT. Les Leçons du Jardin d'enfants. Paris, 1867. 1 v. in 12°.

280. DERISÉNYI (Baron. de). Mon système d'éducation. Trad. de l'allem. par M. J. Taron. Paris, 1851. 1 v. in 8°.

281. Dernière (La) lettre de la reine Marie Antoinette (16 Oct. 1793). Paris, 1851. 1 v. in 8°.

282. DESCHANEL (Em.). Le Bien qu'on a dit des femmes. Paris, 1855. 1 v. in 8°.

283. » Le Bien qu'on a dit sur les femmes. Paris, 1858. 1 v. in 16°.

284. » Les Courtisanes grecques, avec une Préface de J. Janin. Brux. et Leips. 1855. 1 v. in 18°.

285. » Le Mal qu'on a dit des femmes. Bruxelles, 1854. 1 v. in 12°.

286. DES ECHEROLLES (Aline). Quelques années de ma vie. Moulins, 1843 2 vols. in 8°.

287. DES ESSARTS (Alfr.). Les Celébrités françaises. Vies et portraits des rois et reines, connétables etc. Paris, 1852. 1 v. in 8°.

288. DES ESSARTS. Fleurs du Paradis: 1) La Légende de S-te Perpetue; 2) S-te Clotilde; 3) S-te Élisabeth de Hongrie; 4) S-te Catherine de Sienne. Paris, 1 v. in 8°.

289. DESJARDINS (Abel). Vie de Jeanne d'Arc. Paris. 1 v. in 12°.

290. DESNOIRESTERRES (G.). Les Cours galantes. Paris, 1860—64. 4 vols. in 12°.

291. DESNOYERS (J.). Les Femmes. Paris, 1856. 2 vols. in 8°.

292. DESPREZ (Ern.). Les Femmes vengées. Paris, 1834. 2 vols. in 8°.

293. Dévotions (Les) de M-me Betzhamooth et les pieuses facéties de M. de S-te Ognon. 1793. 1 v. in 8°.

294. DILMAN (Ant.). Bianca Teobaldi. Moeurs italiennes. Paris, 1842. 1 v. in 8°.

295. DOLLINGEN. Galerie des contemporains: Ristori, Madeleine Brohan, I-ce Eugenie etc. (en livraisons), in 16°.

296. DONNÉ (Al.), Conseils aux familles, sur la manière d'éléver les enfants etc. Paris, 1864. 1 v. in 12°.

297. DRIOU (Alfred). Les grandes femmes de France. Histoire de leurs vie et de leurs temps. Paris. 1 v. in 8°.

298. DROHOJOWSKA (C-sse). Conseils à une jeune fille sur les devoirs à remplir dans le monde comme maitresse de maison. Paris, 1855. 1 v. in 12°.

299. » De l'Éducation des jeunes filles et de l'influence possible des femmes. Paris, 1857. 1 v. in 12°.

300. » Les Femmes illustres de l'Europe. Paris. 1 v. in 8°.

301. » Histoire de la S-te Vierge. Paris, 1865. 1 v. in 8°.

302. » De la politesse et du bon ton, ou devoirs d'une femme chrétienne dans le monde. Paris, 1858. 1 v. in 12°.

303. » Les Reines illustres. Paris. 1 v. in 8°.

304. DROUET (Ern-ine). La soeur de charité au XIX siècle. Paris, 1859. 1 v. in 8°.

305. DU BARRI. Mémoire sur la ville, la cour et les salons de Paris sous Louis XV. Paris, 1856. 1 v. in 4°.

306. DU BOIS (Louis). Charlotte de Corday. Essai historique. Paris, 1838. 1 v. in 8°.

307. . . . .

308. DUBOIS-GUCHAN (E. P.). Tacite et son siècle, ou la société romaine impériale d'Auguste aux Antonins dans ses rapports avec la société moderne. Paris, 1861. 2 vols. in 8°.

309. DUBOYS. Les Femmes de province. Paris, 1862. 1 v. in 12⁰.
310. » Les Mariages de province. Paris, 1864. 1 v. in 12⁰.
311. Duchesse (La) de Chevreuse (Les Veillées Littéraires, de 71 à 76 p.).
312. Duchesse (La) de Fontange, par M-me ***, auteur des Mémoires d'une femme de qualité. Paris, 1833. 2 vols. in 8⁰.
313. Duchesse (La) de Grammont, par la C-sse O. D. Paris, 1842. 2 vols. in 8⁰.
314. DUCKETT. Les petites ouvrières. Paris, 1862. 1 v. in 18⁰.
315. DUCOURNEAU (Al.). Latude. M-me de Lafayette. Paris. 1 v. in 4⁰.
316. DUCREST (G.). Mémoires sur l'Impératrice Joséphine. La ville, la cour et les salons de Paris sous l'Empire. Paris. 1 v. in 4⁰.
317. DUFAYEL (N.). Physiologie de l'amour. Paris, 1841. 1 v. in 8⁰.
318. DUFFEYTE-DILHAN. (J.). Aux Femmes. De la beauté physique et morale. Paris, 1857. 1 v. in 8⁰.
319. » Les Femmes vengées. Paris. 1 v. in 8⁰.
320. DUFFRENOY. La Femme auteur, ou les inconvéniens de la célébrité. Paris, 1812. 2 vols. in...
321. DUFIEUX (Dr. J.). Nature et Virginité. Considérations physiologiques sur le célibat religieux. Paris, 1854. 1 v. in 8⁰.
322. DUFOUR (P.). Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde. Paris. 1851. 6 vols. in 8⁰.
323. » Mémoires curieux sur l'histoire des moeurs et de la prostitution en France aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1854. 2 vols. in 8⁰.
324. DUFRÉNOY. Biographie des jeunes demoiselles, ou vies des femmes célèbres depuis les Hébreux jusqu' à nos jours. Paris, 1816. 2 vols. in 8⁰.
325. DU FRESNE DE BEAUCOURT (G.). Étude sur M-me Élisabeth, d'après sa correspondance; suivie de Lettres inédites et autres documents. Paris, 1864. 1 v. in 8⁰.
326. DUMAS (Al.). Les Borgia. La M-quise de Ganges. Les Cenci. Paris, 1865. 1 v. in 12⁰.
327. » Chroniques de France: La Comtesse de Salisbury. Paris, 1839. 2 vols. in 8⁰.
328. » Filles, lorettes et courtisanes. Paris, 1843. 1 v. in 8⁰.
329. » Isabelle de Bavière. Paris. 1 v. in 4⁰.

330. DUMAS Jehanne la Pucelle. Paris, 1842. 1 v. in 8°.
331. » Madame Du Deffand. Paris, 1858. 3 vols. in 12°.
332. » Marie Stuart. Paris, 1865. 1 v. in 12°.
333. » La M-quise de Brinvilliers.—La P-sse de S-te Géran.—Jeanne de Naples.—Vaninka (Les Crimes célèbres, T. IV). 1 v. in 12°.

334. DUMESNIL DE MARICOURT. Lucie, épisode de l'histoire de Syracuse sous le règne de Dioclétien. Tour, 1860. 1 v. in 8°.

335. DUPANLOUP. De l'Éducation. Orléans, 1850 — 61. 3 vols. in 8°.

336. DUPEUTY (Ad.) Où est la femme. Préface par Jules Noriac. Paris, 1864. 1 v. in 12°.

337. DUPIN (M-me). La France illustrée par ses femmes. Paris, 1833. 1 v. in 18°.

338. » Marie Tudor. Paris, 1845. 2 vols. in 8°.

339. DUPORT (H.). Conseils sur l'éducation. Paris, 1851. 2 Parties, in 8°.

340. DU PUGET (M-lle R.). Abrégé des voyages de M-lle Bremer dans l'ancien et le nouveau monde. Palestine et Turquie. Paris. 1 v. in 8°.

341. DU QUEYRAS (Le Docteur). Nouvelle physiologie du mariage, ou de l'ignorence du mari et des déceptions de l'épouse. Paris, 1866. 1 v. in 12°.

342. DURET (V.). Un Portrait russe. L'oeuvre et le «Livre d'une Femme» de M-me Bagréeff-Spéranski. Leipzig, 1867. 1 v. in 8°.

343. DU SAUL (B-ne M.). Les Confessions d'une femme du siècle. Paris, 1847. 2 vols. in 8°.

344. DUVAL. Sophie de Blamont, ou mémoires d'une femme de ce temps-ci écrits par elle-même. Paris, 1820. 4 vols. in...

345. DUVAL-JOUVE (J.). Instruction morale. Essai à l'usage des écoles etc. Paris, 1848. 1 v. in 12°.

346. Éducation (L') maternelle. Conseils aux mères de famille. Le corps et l'ésprit. Paris, 1864. 1 v. in 8°.

347. Élise Mirecourt et sa compagne. Lille, 1850. 1 v. in 12°.

348. ELLIS (M-me). Devoirs et conditions sociales des femmes dans l'état du mariage. Traduit de l'anglais par Brunet. Paris, 1847. 1 v. in 8°.

349. Eloge des femmes. Paris, 1863. 1 v. in 16°.

350. EMPIS. Les six femmes de Henri VIII. Scènes historiques. Paris. 2 vols. in 8°.

351. Enfants (Les) d'aujourd'hui, par une mère de famille. Paris, 1859. 1 v. in 12°.

352. Enfants (Les) peints par eux-mêmes. Types, caractères et portraits de jeunes filles. 12 Livraisons, in 8°.

353. Enfants (Les) du phalanstère. Diologue familier sur l'éducation. Paris, 1844. 1 v. in 16°.

354. Enfants (Les) sous le toit paternel. Tr. de l'angl. Toulouse, 1859. 1 v. in 16.°

355. Enfer (L') des femmes, par Laroche et Fauld. Paris, 1863. 1 v. in 12°.

356. Enseignement (De l') obligatoire. Discussion entre M. de Molinari et M. Passy. Paris, 1859. 1 v. in 12°.

357. Enseignement (L') par l'exemple. Scènes morales. Paris, 1 v. in 12°.

358 ÉPINAY (M-me d'). Mémoires. Avec des notes par Paul Boiteau. Paris, 1863. 2 vols. in 8°.

359. ESCUDIER (Marie et Léon). Vie et aventures des cantatrices célèbres. Paris, 1856. 1 v. in 12°.

360. Esprit de M-me de Girardin avec Préface par M. de Lamartine. Paris, 1 v. in 12°.

361. ESQUIROS (Alph.). Charlotte Corday. Bruxelles, 1840. 2 vols. in 18°.

362. » Histoire des amants célèbres de l'antiquité. Paris, 1849. 1 v. in 8°.

363. Étudiants (Les) et les femmes du quartier Latin. Paris, 1860. 1 v. in 32°.

364. Étudiants et Lorettes. Paris. 1 v. in 12°.

365. EWALD. Conseils maternels, ou manuel pour les jeunes filles, les épouses etc. Tr. de l'allem. Paris, 1825. 1 v. in 12°.

366. EXPILLY (Ch). Les femmes et les moeurs du Brésil. Paris, 1863. 1 v. in 12°.

367. » La Fille de Mahomet. Bruxelles, 1854. 1 v. in 8°.

368. » Grande dame et Lorette. Bruxelles, 1854. 1 v. in 8°.

369. » (Marie d'). La Vieille fille (см. Les Français peints par eux-mêmes. T. I, de 336 à 341 p.).

370. EYMA (Xavier). Les Femmes du Nouveau Monde. Paris, 1853. 1 v. in 12°.

371. EYNARD (Ch.). Vie de M-me de Krudener. Paris, 1849. 2 vols. in 8°.

2007098241

